

АДЫГЕЙСКИЙ РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ИНСТИТУТ
ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. Т.М. КЕРАШЕВА

**ВОПРОСЫ
АРХЕОЛОГИИ
АДЫГЕИ
2024**

Майкоп
2024

УДК 902(470.621)
ББК 63.4(2Рос37)я43
В-74

Печатается по решению Ученого совета Адыгейского республиканского института
гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева

Редакционная коллегия:

д.ф.н. Тлеуж А.Х., д.ф.н. Биданок М.М., д.и.н. Ачмиз К.Г., к.и.н. Джигунова Ф.К., Ципинов Р.К.,
к.и.н. Схатум Р.Б., к.и.н. Ловпаче Н.Г., Сазонов А.А., д.и.н. Эрлих В.Р., д.и.н. Хотко С.Х.

Ответственные редакторы:

к.и.н. Голубев Л.Э. (научный редактор), к.п.н. Луганская Г.Б. (редактор).

Рецензенты: д.и.н. Нарожный Е.И., к.и.н. Вальчак С.Б.

В-74 ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ АДЫГЕИ (2024) : Сборник научных трудов. – Майкоп :
Изд-во Магарин О.Г., 2024. – 228 с., ил.

ISBN 978-5-00238-154-8

Сборник научных трудов посвящен проблемам археологии Северо-Западного Кавказа и сопредельных территорий от эпохи бронзового века до эпохи позднего средневековья. Издание адресовано археологам, историкам, музейным работникам, преподавателям и студентам вузов, а также всем, кто интересуется археологией и историей Северного Кавказа.

УДК 902(470.621)
ББК 63.4(2Рос37)я43

ISBN 978-5-00238-154-8

© Группа авторов, 2024
© АРИГИ им. Т.Керашева, 2024

С О Д Е Р Ж А Н И Е :

Тлеуж А.Х. Предисловие	4
Кореневский С.Н. Е.И. Крупнов и культурология начала медно-бронзового века Предкавказья по его монографии 1957 года (статья в честь 120-летнего юбилея Е.И. Крупнова)	5
Глазов К.А., Кудин М.И., Марков Д.Н. Каталогизация дольменного макроансамбля «Виноградное» в бассейне р. Цусквадж	23
Кудин М.И. Отражение культа собаки в памятниках дольменной культуры Западного Кавказа	46
Белоусов А.В., Федосов М.Ю. Материалы Геленджикской стоянки из фондов Геленджикского историко-краеведческого музея. Хронология каменско-ливенцовской группы памятников	53
Белоусов А.В., Федосов М.Ю. К вопросу о появлении в Северном Причерноморье погребений в каменных ящиках в раннем железном веке	85
Дударев С.Л. Новые находки бронзовых предметов предскифского и скифского времени из Центрального Предкавказья	109
Эрлих В.Р., Леонтьева А.С. Святилища хребта Азиштау	116
Пьянков А.В., Завьялов С.Л., Полицын Е.Б. Византийский солид императора Анастасия II (713–715 гг.), найденный на Тамани в 2015 г.	134
Кононов В.Ю., Пономарев Л.Ю. Хозяйственная полуземлянка на раннесредневековом поселении Варнавенское-3 (по итогам раскопок 2010–2011 гг. на левобережье Кубани)	137
Кононов В.Ю., Пономарев Л.Ю. Безурновые кремационные погребения биритуального могильника IX – первой половины X вв. поселения Варнавинское-2 в Закубанье (по итогам раскопок 2010–2011 гг.)	157
Голубев Л.Э. Ингумационные погребения биритуального могильника «Афипс-5»	181
Леонтьева А.С. Воинские погребения из курганов «Азишский-92» и «Азишский-124»	190
Бузаров Аз.К., Днепровский К.А., Хотко С.Х., Эрлих В.Р. Тамгообразные подвески из кургана Дегуако-46 белореченского времени	205
Новичихин А.М. Пряжка-пафта османского времени из Анапы	213
Абрамова А.Н. Население Северо-Восточного Причерноморья нового времени по данным палеоантропологии	216
Сведения об авторах	225

К ВОПРОСУ О ПОЯВЛЕНИИ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ ПОГРЕБЕНИЙ В КАМЕННЫХ ЯЩИКАХ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

А.В. Белоусов, М.Ю. Федосов

Аннотация: В статье авторы ставят вопрос о появлении традиции погребения в каменных ящиках в приморской зоне Северо-Западного Кавказа в раннем железном веке, проводят рассмотрение бытования такой традиции на Кавказе с периода ранней бронзы, а также Черноморского, Каспийского регионов и Западного Ирана в конце II – начале I тыс. до н.э.

Авторы приходят к выводу о миграции населения Лчашен-Мецаморской культуры, начиная с середины VIII в. до н.э., в район Северо-Западного Кавказа и Крыма. Также проводится сравнение керамических материалов памятников раннего железного века и могильника у хут. Рассвет раннеантичной эпохи с керамической традицией Южного Кавказа позднего этапа Лчашен-Мецаморской культуры и ахеменидского периода, и приходят к выводу о значительном влиянии Южного Кавказа на керамическую традицию Северо-Восточного Причерноморья.

Ключевые слова: погребение, каменный ящик, Кавказ, ранний железный век, ахеменидский период, керамика, миграции.

ON THE ISSUE OF THE APPEARANCE OF BURIALS IN STONE CISTS IN THE NORTHERN BLACK SEA REGION IN THE EARLY IRON AGE

A.V. Belousov, M. Yu. Fedosov

Abstract. In the article, the authors raise the question of the emergence of the tradition of burial in stone cists in the coastal zone of the North-West Caucasus in the Early Iron Age, and examine the existence of such tradition in the Caucasus from the Early Bronze Age, as well as the Black Sea, Caspian regions and Western Iran in the late 2nd - early 1st millennium BC.

The authors come to the conclusion that the population of the Lchashen-Metsamor culture migrated from the middle of the 8th century BC to the region of the North-Western Caucasus and Crimea. A comparison is also made of potters materials from the Early Iron Age sites and the burial ground near the bowery Rassvet of the early antique era with the pottery tradition of the South Caucasus of the late stage of the Lchashen-Metsamor culture and the Achaemenid period, and come to the conclusion about the significant influence of the South Caucasus on the pottery tradition of the North-Eastern Black Sea region.

Keywords: burial, stone cists, Caucasus, Early Iron Age, Achaemenid period, pottery, migrations.

Погребения, совершенные в каменных ящиках в Северо-Восточном Причерноморье известны исследователям еще с XIX века (Сизов, 1889, с. 67), однако вопрос о появлении такой погребальной обрядности до сих пор не является решенным. Каменные ящики – один из наиболее распространенных типов погребальных конструкций на могильниках раннего железного века и более поздних периодов приморской зоны Северо-Западного Кавказа и Крыма. Касательно памятников первой из упомянутых территорий, исследователями высказывались разные версии их появления, которые относились к концепции миграции населения из сопредельных

территорий и автохтонного их происхождения. В частности, И.И. Аханов и Е.А. Беглова считали захоронения в каменных ящиках следствием эволюции дольменов Северо-Западного Кавказа (Аханов, 1961, с. 149; Эрлих, 2005, с. 115), Близка им по смыслу версия Ю.С. Крушкол, А.А. Малышева и А.М. Новичихина об общей традиции каменных погребений, начиная с эпохи энеолита – ранней бронзы для приморской зоны Северо-Западного Кавказа (Малышев, Новичихин, 2022, с. 164-165; Новичихин, 2014, с. 114). Ю.Н. Воронов связывал возникновение данного обряда с миграцией населения с территории Колхиды в VIII–VII вв. до н.э., на основании чего им даже был

выделен локальный вариант кобано-колхидской культурной общности (Воронов, 2006, с. 64, 73). Е.М. Алексеева считала носителей данного обряда потомками представителей западного варианта кобанской культуры (Новичихин, 2014, с. 114). С аналогичными крымскими памятниками ситуация иная - происхождение каменных ящиков в регионе связывают с Северным Кавказом и соответственно вопрос, который стоит перед исследователями заключается в поиске причин появления кавказских погребений в Крыму (Кравченко, 2010, с. 95-108). В данной статье мы коснемся этого вопроса подробнее и рассмотрим известные нам версии происхождения и распространения данного погребального обряда.

Начать необходимо с характеристики самого обряда с тем, чтобы определить основные маркеры, которыми мы будем оперировать. Нас будут интересовать погребения с вертикально расположенными каменными плитами, формирующими прямоугольный ящик, впущенный в грунт или сооруженный на дневной поверхности под курганной насыпью, с кромлехом или без. Трупоположение скорченное на боку или вытянутое на спине, одиночное или коллективное, ориентированное на северо-восток, с отклонениями к северу или востоку.

Предположение о происхождении данных погребений от дольменов было высказано Е.А. Бегловой, которая считала их «реминисценцией западнокавказских погребальных обрядов (...), что «коллективность» восходит к дольменному «мегалитическому» обряду», и поддержано В.Р. Эрлихом (Эрлих, 2005, с. 115). Если логика рассуждений авторов нами правильно понята, то коллективность погребений сохранялась в течение длительного времени, а могильная конструкция со временем эволюционировала. Однако, здесь мы сталкиваемся с проблемой, поскольку хронологическое обоснование дольменной культуры до сих пор является острым вопросом по причине дефицита надежно датированных погребений эпохой средней бронзы (Трифонов, 2014; Марковин, 2011).

С другой стороны, применительно к более позднему периоду мы можем опереться на серию радиоуглеродных дат, полученных по результатам раскопок дольмена Колихо, показавших использование его на протяжении XIX – IX вв. до н.э. (Трифонов и др., 2012, табл. 1); дольмена, раскопанного недалеко от г. Геленджик в могильнике Марченкова щель и датированного аналогичным методом 1400-1200 calBCE (Chuan-

Chao Wang et al., 2019, p. 6). В раннежелезном веке мы имеем погребения в дольменах Б и Г могильника Грузинка VII (поздний материал VII в. до н.э.), могильнике Крученая Щель I (ранний железный век) (Гей, 2005, с. 42, 44), дольмене Бетта (последняя четверть VIII - VII вв. до н.э.) (Белоусов, Федосов, 2021, с. 106).

В античный период дольменные погребения продолжают практиковаться. Так, в дольменах на р. Пшада обнаружены фрагменты амфоры и скифский наконечник стрелы (Марковин, 1972, с. 132). Дольмены близ с. Архипо-Осиповка также отнесены к скифскому периоду (Григорьев, 2008, с. 372). Аналогичная ситуация наблюдается в районе г. Новороссийска в дольменном комплексе Серегай-1, где находки свидетельствуют о использовании сооружений вплоть до античного времени (Дмитриев и др., 2018, с. 150). Еще Е.Д. Фелицыным отмечалось, что по известным ему находкам из дольменов близ х. Кизинка (современный Мостовской район Краснодарского края), таким как фрагменты синего стекла, железному римскому мечу и монете Рискупориса VI (иллюстрация монеты не приведена), можно говорить о том, что на Северо-Западном Кавказе они использовались достаточно поздно по сравнению с другими регионами (Фелицын, 1904, с. 36).

Мнение Ю.С. Крушкол об автохтонности синдов опиралось на погребения, которые датировались ранним бронзовым веком и относились к майкопской культуре. Как верно отметил А.М. Новичихин, в данном случае единственная аналогия заключается в каменных кромлехах и каменных закладах (Новичихин, 2014, с. 114). А.А. Малышев и А.М. Новичихин автохтонность населения предгорий обосновывают сходством синдских погребальных конструкций с сооружениями на могильниках эпохи бронзы в устье долин рек Дюрсо и Мысхако, где захоронения совершались в каменных ящиках, служивших коллективными (от двух до четырех костяков) семейными усыпальницам (Малышев, Новичихин, 2022, с. 168, рис. 4, 1.1, 1.2). Несмотря на отсутствие датированных материалов, в качестве аргумента приводится сильноискорченная поза погребенных (Малышев, Горланов, 2020, с. 72-73). Датирование погребений поздним бронзовым веком можно считать верным, если провести аналогию с западным вариантом кобанской культуры, где сильноискорченные погребения в каменных ящиках известны еще в эпоху поздней бронзы, и где северо-западная и западная

ориентировка были преобладающими. При этом В.И. Козенкова для погребений раннего железного века давала схожую характеристику, лишь добавив, что в могильниках середины VII–IV вв. до н.э. появляются погребения, совершенные вытянуто на спине, одиночные или коллективные, но которые не являются характерными для культуры (Козенкова, 1989, с. 79–84, табл. 3).

О «генетическом» родстве с племенами кобанской культуры писала Е.М. Алексеева, считая появление погребений в каменных ящиках миграциями в эпоху поздней бронзы с Центрального и Северо-Западного Кавказа в сторону Причерноморья (Новичихин, 2014, с. 114).

Теперь обратимся к версии Ю.Н. Воронова о колхидском происхождении погребений. В качестве аргументов им были приведены: единство металлургической традиции, захоронения в каменных ящиках и традиция подзахоронения в них. Само расширение ареала культуры им было связано со значительным развитием земледелия и скотоводства, что вызвало миграционные процессы, которые продолжались вплоть до VIII–VII вв. до н.э. (Воронов, 2006, с. 64, 73). Мы считаем, что версию Ю.Н. Воронова нужно рассмотреть подробнее.

Появление погребений в каменных ящиках с вертикально стоящими плитами на Кавказе известно в Куро-Аракской культуре с середины IV тыс. до н.э., где они будут сосуществовать параллельно с другими обрядностями. В конце IV тыс. до н.э. в результате миграции населения погребения в ящиках распространяются в верховьях Евфрата, где будут иметь доминирующее положение также и в начале III тыс. до н.э. На Кавказе, как и на Евфрате, погребения совершались преимущественно в скорченной позе и могли быть одиночными, парными или коллективными, с произвольной ориентировкой, а сами ящики имели перекрытие из массивных плит. Сами коллективные захоронения исследователями принято интерпретировать как семейные усыпальницы, но Г. Палумби акцентирует внимание, что это достаточно условный вывод, поскольку факт отношения погребенных к одной семье не является доказанным (Кушнарева, Марковин, 1994, с. 35; Palumbi, 2007, p. 21, 32, 36).

В период культуры Триалети-Ванадзор традиция сооружения каменных ящиков не свойственна для Кавказа, однако следует упомянуть погребение из могильника Газанотс к. 5. Погребение было совершено в яме, обложенной вертикальными каменными плитами с перекрытием,

формирующим ложный свод и окруженный каменным кромлехом. Кости совершенно не сохранились, и мы лишь можем лишь констатировать ориентировку погребения по линии «юг-север» с небольшим отклонением к востоку. Погребение датируется XXII–XXI вв. до н.э. (Badalyan, Avetisyan, 2007, p. 93, pl. III).

В могильнике Гнокопсе п. 2 на Северо-Западном Кавказе было исследовано погребение в каменном ящике, плитами было обложено дно о поперечные стенки у изголовья и ног. Погребенный имел южную ориентировку, трупоположение вытянуто на спине (Трифонов и др., 2012, с. 106, рис. 1, 1–3). Датирование захоронения можно провести по вазоподобному сосуду с кольцевым поддоном. Аналогичные находки известны в могильнике Шушук, где они методом радиоуглеродного датирования отнесены к XVII–XVI вв. до н.э. (Эрлих и др., 2022, с. 12, рис. 6, 20, 23). Более таких погребений на Северо-Западном Кавказе не известно вплоть до раннего железного века. Учитывая столь большой хронологический диапазон и единичность комплекса, мы не можем его как-то связывать с какой-либо местной традицией, аналогии ему имеются на Южном Кавказе.

В середине II тыс. до н.э. ситуация на Кавказе начинает меняться, погребения в каменных ящиках появляются в могильниках Тли, Брили и Апаран II, причем в могильниках Тли и Брили костяки располагались вытянуто на спине, имея северную или южную ориентировку (рис. 1, 1–2). Помимо перечисленных могильников, Б.В. Техов указывал, что вытянутое положение костяков имеет более широкое распространение в этот период не только в Восточной Грузии, но и на памятниках Северного Кавказа, с той лишь разницей, что они были совершены не в каменных ящиках, а в грунтовых ямах (Техов, 1977, с. 14–16, рис. 14–15). Могильник Апаран II (10 погребений), расположенный к западу от оз. Севан, имеет погребения со схожей каменной конструкцией с небольшим отклонением к востоку, помимо этого имелись каменные кромлехи, а костяки были скорчены на правом боку, в одном случае в п. 1 находились кости лошади (рис. 1, 3–4) (Badalyan, Avetisyan, 2007, p. 51–52, pl. V, 1–3). Помимо этого, для данного периода известны подобные погребения в могильниках Тазакенд, Лори Берд, Славянка и Гехарот (Погребова, 2011, с. 292).

В период EIA–MIA (XII–VIII вв. до н.э.) количество могильников с каменными ящиками

возрастает, но немного меняется ориентировка, что хорошо видно на примере могильника Талин на северо-западе Армении. Погребальная традиция предыдущего периода сохраняется, однако вместо северной ориентировки с отклонением на восток стали практиковаться северо-восточная и восточная ориентировки. Было исследовано 87 гробниц, которые имели планировку неправильными рядами по осям «запад – восток» и «юго-восток – северо-запад» и разделялись на три хронологические группы: середина XII–XI вв. до н.э., XI/X – конец X вв. до н.э. и X/IX – 1-я четверть VIII вв. до н.э. Погребения имели каменные перекрытия от одной до трех плит. Входом считается западная или юго-западная сторона, где отсутствовала каменная плита и имелась выемка в грунте. Пара погребений были индивидуальные, также зафиксированы парные и одно коллективное (4 человека), остальные имели подзахоронения со сдвигом костей предыдущих погребений в сторону. Большинство костяков были скорчены на правом боку, в одном случае была зафиксирована поза сидя (рис. 1, 5-9) (Badalyan, Avetisyan, 2007, p. 252, pl. VIII-XIII).

Та же ситуация наблюдается в могильнике Катнахбур, где из 10 исследованных погребений 3 относятся к XI–IX вв. до н.э., а остальные к IX–VIII вв. до н.э. Погребения совершены скорченно на правом боку, как индивидуальные, так и подзахоронения со сдвигом костей. В одном случае погребение было парным, причем мужчина лежал скорченно на правом, а женщина – на левом боку (рис. 1, 10) (Badalyan, Avetisyan, 2007, p. 153, pl. I).

Важно отметить, что у погребений Талина и Катнахбура с IX в. до н.э. уже появляется каменная плита с западной или юго-западной стороны, доступ в могилу осуществлялся только снятием верхнего перекрытия.

Всего для периода второй половины II тыс. до н.э. и начала I тыс. до н.э. по статистике, приведенной М.Н. Погребовой, и с учетом описанных выше памятников известен 71 могильник с 869 погребениями в каменных ящиках, из них в 111 зафиксированы коллективные захоронения (включая парные, хотя у М.Н. Погребовой они в статистике даны без разделения на типы погребений). Доминирующей позой была скорченная на боку, вытянутые погребения носили единичный характер (Погрехова, 2011, с. 391-395). Территориально большинство могильников расположены в Северно-Западной и Центральной Арме-

нии, Восточной Грузии, а также Западного Азербайджана и относятся к Лчашен-Мецаморской культуре. Необходимо отметить, что захоронения в каменных ящиках не являются для нее единственным обрядом погребения.

Отдельно нужно отметить ящики, сооруженные на дневной поверхности. Информации о них крайне мало, поскольку они являются легкодоступными для грабительских раскопок. 29 погребений 2-й половины XVI – 1-й половины XV вв. до н.э. исследованы в могильнике Цахкалани (Badalyan, Avetisyan, 2007, p. 280, pl. VI), но ящики были сформированы крупными валунами, что не является предметом нашего изучения, но говорит о том, что обрядность погребений на дневной поверхности уже практиковалась. Для более позднего периода известно погребение из к. 2 у с. Карашен в Нагорном Карабахе. Там обнаружен массивный каменный ящик, ориентированный по оси «север-юг». Он был сооружен на скальном выступе, а перекрывала его каменно-земляная насыпь кургана с кромлехом из крупных камней (рис. 2, 5-5a). Погребение было разграблено, но по немногим сохранившимся предметам оно было датировано VIII–VI вв. до н.э. (Uşurcuşahin, Büyükkırşirşahin, 2018). Аналогичное погребение известно на территории Южного Азербайджана, могильник Кравелади IV/2013 п. 1015. Каменный ящик (5×2 м) был ориентирован по оси «запад-восток» и перекрыт каменной насыпью. Датировано погребение 1250-1050 гг. до н.э. В могильнике были исследованы и другие погребения, сооруженные на дневной поверхности, но ящики их были сооружены из крупных валунов, как и в могильнике Цахкалани (Casanova et al., 2016, p. 204, fig. 7).

В это же время появление каменных ящиков фиксируется в Восточной Анатолии. В доурартский период они известны в могильнике Дилкая, расположенном на восточном берегу оз. Ван (рис. 2, 1) (Konyar, 2011, p. 224, fig. 22). В могильнике обнаружено три таких погребения. В п. №84 был зафиксирован обряд подзахоронения, из обнаруженных восьми погребенных семеро костяков были сдвинуты к южной части, а восьмой костяк был в скорченной позе расположен с северо-западной части гробницы. В п. № 91 была перегородка, делящая гробницу на две части, а в п. №88 было парное погребение. Все погребенные в скорченной позе (Özfırat, 2018, s. 172). Нужно отметить, что Восточная Анатолия в целом – наиболее слабо изученный регион Турции,

его даже называют «темным местом турецкой археологии». Исследователи концентрировали внимание преимущественно на поселенческих памятниках и крепостях, к тому же многие погребения подвергались разграблению, как и упомянутые нами выше, датированные лишь по оставшемуся в них материалу. Поэтому со временем представление о географии и хронологии каменных ящиков в этом регионе сможет измениться.

Довольно интересная ситуация наблюдается в Западном Иране, где широко распространенным обрядом погребения для периодов Iron IA-IIA (XIII – X вв. до н.э.) были коллективные захоронения в могилах овальной или округлой формы, стены которых обкладывались крупным булыжником в один или два ряда. В периоде Iron IIB (IX – начало VIII вв. до н.э.) происходит смена погребального обряда, на могильниках поселений Пушт-и Кабуд, Тепе Кальвали, Баба Джан, Вар Кабуд появляются погребения рядной планировки, совершенные в каменных ящиках с северо-восточной, восточной или юго-восточной ориентировкой. Индивидуальные погребения имели каменные перекрытия и кромлехи из крупных камней, положение погребенного было скорченнным на правом боку (рис. 2, 2-4). В следующий период Iron III (1-я половина VIII – VII вв. до н.э.), согласно материалам могильника Вар Кабуд, происходит увеличение количества погребений, и помимо индивидуальных, становятся известны парные и коллективные захоронения. Б. Оверлайт связывает это с малым количеством известных погребений предыдущей эпохи, не дающей нам хорошей репрезентативной подборки (Hasanpur et al., 2015, pl. 8; Overlaet, 2005, p. 12-16, pl. 7, 10). Любопытно отметить, что, не смотря на наличие очень схожего обряда погребений кавказских и западноиранских могильников, на территории Северо-Западного Ирана подобные погребения неизвестны вовсе.

Помимо этого, ящики могли сооружаться на дневной поверхности и перекрываться курганной насыпью. Место для могильников выбиралось на возвышенностях или склонах холмов (рис. 2, 6). Такой тип погребений малоизвестен, поскольку практически все известные могильники подверглись разграблению так же, как и на Южном Кавказе, поскольку эти курганы хорошо заметны на местности, а сами погребения находятся недалеко от поверхности насыпи. В исследовании группы иранских ученых была собрана разрозненная информация о таком типе погребений

в провинции Карманшах. Они были ими датированы периодом Iron IIA-III (X – VII вв. до н.э.) (Nazari et al., 2016).

Необходимо упомянуть о распространении такой обрядности и на Балканском полуострове, где аналогичные каменные ящики с индивидуальными погребениями начнут фиксироваться с XIV в. до н.э. (Bz C1) в регионе обеих Македоний, Эпира и Южной Албании, а само появление такой обрядности считается центральноевропейским влиянием на Балканы. Доминирующей ориентировкой было юго-западное направление, реже северо-восточное, погребенные были скорченны на правом или левом боку, начиная с XII в. до н.э. (Ha A1) поза погребенных меняется со скорченной на вытянутую на спине, а уже в XI в. до н.э. (Ha A2/субмикенский период) носители этой обрядности вытесняются пришедшими с севера племенами на территорию Греции, Д. Митревски объясняет это событие масштабными миграциями, охватившими весь полуостров (Ruppenstein, 2020, s. 108, 110-111, 115). После субмикенского периода такие погребения на территории Греции не известны (Kurts, Boardman, 1971, p. 36, pl. 1). Каменные ящики с индивидуальными и коллективными захоронениями встречаются в Западной Анатолии, где датируются XI–VII вв. до н.э. Они известны также и в более поздние периоды, но необходимо заметить, что такую обрядность в виду малого числа известных погребений нельзя назвать сколько-нибудь значимой для этого региона (Kizil, Dogan, 2018, s. 144-145, 150, res. 6 a-b).

В конце II тыс. до н.э. каменные ящики становятся известны в Полесье, в Карпато-Подунавском регионе и Северо-Западном Причерноморье. Здесь они, по большей части в более поздний период, могли быть сформированы в результате облицовки грунтовых ям или же сооружены на дневной поверхности и перекрыты курганной насыпью с кромlexом. Трупоположение скорченно на боку или трупосождения, погребения совершались индивидуальные, парные, господствовала южная или юго-восточная ориентировка. В начале I тыс. до н.э. такой обряд погребения присутствовал во многих могильниках региона наравне с другими обрядностями, при этом грунтовые захоронения и курганные ящики бытовали одновременно (Кашуба, 1999, с. 380; Кашуба, 2000, с. 275, 284-285).

Известны погребения срубной культурно-исторической общности в каменных ящиках, рас-

положенные локально в районе Северного Приазовья и Нижнего Подонцовья. Р.А. Литвиненко соотносит захоронения с вертикально стоящими плитами с раннесабатиновским этапом. В более позднее время в этом регионе каменные ящики уже оформляются выкладкой из мелкого камня (Литвиненко, 1999, с. 20 рис. 13).

Завершим краткий обзор андроновской культурой, где для памятников Центрального Казахстана была характерна аналогичная погребальная обрядность. Скорченные погребения имели западную, восточную или северо-восточную ориентировку. В большей степени это касается алакульских степных погребений, хотя они известны и среди федоровских памятников (Кузмина, 1994, с. 39-40, 43). Традиция это носит местные корни, где подобные конструкции хорошо известны в нуртайской культуре степного Казахстана (2-я половина III тыс. до н.э. – XVIII/XVII вв. до н.э.) (Ткачев, 2003, с. 68, 136, 201).

Как видно нашего довольно широкого географического обзора, с середины II тыс. до н.э. традиция погребений в каменных ящиках начинает территориально распространяться. Если для балканского региона и казахстанских степей имеются представления об источнике появления такой погребальной традиции, то для территорий Кавказа и Ирана этот вопрос остается открытым, и, возможно, ответ на него со временем будет дан с увеличением источниковой базы в Восточной Анатолии.

На Северо-Восточном Кавказе каменные ящики становятся известны во втором периоде каякентско-харачоевской культуры (XV–XIII вв. до н.э.), где костяки, скорченные на правом или левом боку, были ориентированы на юг или юго-запад, хотя имелись и исключения с западной ориентировкой. Некоторые курганы имели кромлехи, сложенные из речных булыжников, а сами могильники имели рядную планировку, что дало основание В.И. Марковину провести их сравнение с могильниками Северо-Западного Кавказа (Марковин, 1969, с. 30-41 рис. 9, 11-12, 14-15). Погребения в каменных ящиках на Северо-Восточном Кавказе будет практиковаться и в раннем железном веке, и даже более позднее время (Багаев, 2005, с. 293).

На Центральном Кавказе наблюдается несколько иная картина. К примеру, в регионе, примыкающим к ареалу каякентско-харачоевской культуры, известен Белгатоевский могильник, датированный XI–IX вв. до н.э., каменные ящики

которого имели широтную ориентировку, или Зандакский могильник, где в ящиках появляются парные и коллективные погребения с южной ориентировкой. В раннескифскую эпоху традиция захоронений в ящиках распространяется более широко, особенно в восточной части Центрального Кавказа. Ориентировка этих погребений южная с небольшими отклонениями, но В.Б. Виноградовым замечена одна особенность. Она заключается в том, что помимо индивидуальных погребений, которые продолжали преобладать, стали достаточно широко распространены парные, коллективные погребения (до 7 человек) или подзахоронения со сдвигом предыдущих погребенных (Виноградов, 1972, с. 269-271; Козенкова, 1977, с. 21, табл. XII, 6-7). Параллельно распространяются индивидуальные погребения в ящиках в районе Пятигорска, где ранее такой обрядности не фиксировалось. Интересна ситуация во всех шести Березовских могильниках, где ящики с юго-восточной ориентировкой (75% от общего числа), датированные Д.Е. Крупновым IX–VI вв. до н.э., не имели стены с северо-запада (в ногах), равно как и погребения могильника Талин, рассмотренные нами выше (Виноградов, 1972, с. 190, рис. 21).

Для западного варианта кобанской культуры В.И. Козенкова указывает, что каменные ящики из вертикально стоящих плит характерны для всех ее этапов (XII–IV вв. до н.э.). Общее количество погребений в ящиках довольно значительно, хотя это не единственный тип могильных сооружений для группы. Труположение скорченно на боку (мужские на правом, женские на левом), с редкими исключениями, также редка и сидячая поза. В основном погребения индивидуальные, но имеется незначительное количество парных захоронений. Ориентировка погребений в западном варианте различна, но погребения внутри самих могильников однообразны, что является признаком разнородного населения региона. Большая часть могильников имеет северо-западную и западную ориентировку костяков, но есть и могильники с северо-восточной ориентировкой (Козенкова, 1989, с. 75-76, 79-80).

Что касается приморских памятников, то явление обрядности погребений в ящиках датируется с VIII–VII вв. до н.э. Так, например, в могильнике Псыбе было исследовано 14 одиночных погребений (рис. 3, 4-6), расположенных по линии «запад-восток», где мужские костяки были вытянуты на спине, а женские скорчены на левом

боку. Ориентировка погребенных была восточной и юго-восточной (Тешев, 1983).

В районе Геленджика к VIII – началу VII вв. до н.э. относится элитарное погребение №4 из Фальшивого Геленджика (с. Дивноморское), и не позднее середины VIII в. до н.э. датируется погребение Михайловский Перевал (Белоусов, Федосов, 2021, с. 102, 108). При публикации материалов в 2021 г. авторам не удалось опубликовать план-схему погребений могильника Фальшивый Геленджик, поэтому здесь мы восполняем этот пробел. План-схема (рис. 3, 7), составленная Д.Е. Щегловым, не имеет привязок к местности, но хорошо показывает нам рядность погребений в могильнике и общую северо-восточную ориентировку каменных гробниц (Щеглов, 1957, л. 39).

Наиболее крупным исследованным доантичным памятником района является Геленджикский могильник. И.И. Ахановым была составлена карта могильника, и мы в свою очередь для удобства перенесли обозначенные им курганы на современный снимок (рис. 4). Могильник состоял из шести групп, каждая из них была растянута по линии с северо-запада на юго-восток, но скорее всего в данном случае выбор был обусловлен не традицией ориентирования по сторонам света, а расположением естественных возвышенностей. Берег Толстого мыса представляет собой высокий обрывистый скальный выступ, на прибрежной пологой террасе которого имеются возвышенности (гряды), сформированные скальными напластованиями и тянущиеся вдоль берега. На них и были сооружены древние курганы, что отличает этот памятник от могильника Фальшивый Геленджик, где погребения располагались на ровной надпойменной террасе. Помимо курганов, формирующих группы, были еще и отдельно расположенные. Всего в могильнике было исследовано 31 погребение.

Все каменные ящики имели северо-восточную ориентировку, преимущественно в погребениях 2 и 3 группы (рис. 5). Также в одном погребении 5 группы (рис. 6, 4) и Пионерском кургане, на юго-западной стене присутствовали отверстия диаметром 0,35-0,40 м и дромос, что как мы уже писали выше, дало основание И.И. Аханову говорить о родстве племен, строивших их, с дольменной культурой. Некоторые погребения имели только продольные стены (рис. 6, 1). Также были погребения, где часть конструкции подверглась уничтожению грабителями (рис. 6, 5). Одно погребение было названо И.И. Ахановым детским

по причине его небольших размеров (рис. 6, 2), оно было разграбленным и костяка там не было обнаружено. Еще одно погребение из группы 5 (п. 4) необходимо описать отдельно. Погребение 4 было грунтовым и имело лишь внешнюю обкладку из небольших камней (рис. 6, 3). В могиле были обнаружены останки 2-3-х людей. По описанию погребенные были перекрыты плитой, но по причине ее незначительных размеров (30×50×65×75 см) более вероятно случайное попадание этого фрагмента камня в заполнение. На дне могилы имелась мергелевая плита со следами сильного воздействия огня. В слое углей у северной стороны обнаружены обгоревшие кости животных (Аханов, 1954 л. 14, 28; Аханов, 1961, с. 140-143).

Не смотря то, что погребения были практически полностью разграблены, удалось зафиксировать обряд трупоположения по четырем неграбленным могилам и остаткам погребенных в тех случаях, где они сохранились. В большей части погребений осуществлялись коллективные погребения. По немногочисленным останкам И.И. Аханов предположил, что все погребения как одиночные, так и коллективные имели положение скорченно на боку, с редкими исключениями сидячих поз. В п. 6 2-й группы и п. 2 4-й группы количество погребенных достигало 12-15 человек (Аханов, 1954, л. 18).

Датированы погребения им были VIII–VII вв. до н.э., но, поскольку найденный в погребениях бронзовый и железный материал относится к раннескифскому времени (Аханов, 1961, рис. 4, 5, 6) и имеет прямые аналогии с комплексом 1 к. 2 могильника Холмский I, также отнесенный исследователями к раннескифскому периоду (Василиненко и др., 1993, с. 35-36), то нижней датой рациональнее считать конец VIII – рубеж VIII/VII вв. до н.э. Помимо раннескифского, был найден и античный материал, как, например, ножка амфоры из п. 2 группы 5 (рис. 6, 1a) (Аханов, 1954, л. 26, рис. 3). Судя по рисунку, можно лишь предположить, что центром производства был Фасос или Менда.

Помимо этого, можно указать могильник Шесхарис раннескифского и античного времени с одиночными и парными погребениями с преимущественно юго-восточной ориентировкой, а также Широкая Балка могила 3 с четырьмя погребенными северной ориентировки и могильник Большие Хутора с коллективными погребениями (до 3-4-х человек) с северной ориентировкой (Эрлих, 2005, с. 76-77).

Таким образом, мы видим, что в раннескифский период в приморской зоне начинают фиксироваться погребения в каменных ящиках с восточной, северо-восточной и северной ориентировкой. В Геленджике и Псыбе имеются скорченные погребения, в остальных случаях погребенные вытянуты на спине. Часть погребений в Геленджике была сооружена на поверхности, остальные впущены в грунт. Мы не будем затрагивать тему бронзовых и железных изделий, поскольку она всесторонне рассмотрена исследователями и за небольшими исключениями справедливо отнесена к кобано-колхидской металлургической провинции, тем более что в этом регионе нет никакого сырья для занятия металлургией, и она априори является импортом.

Теперь обратимся к керамическому материалу этого периода. Керамическая коллекция погребений не так богата, но известные образцы достаточно интересны, например, кернос – специализированный культовый сосуд с дополнительными горлышками из могильника Большие Хутора п. 10 (рис. 7, 1). Появление таких сосудов известно с эпохи энеолита Восточного Средиземноморья, откуда в более позднее время распространяются на Балканы (Дараган, 2011, с. 463). Сосуд из Больших Хуторов имеет общую основу с несколькими горлышками, такой тип становится известен на Кавказе с находки в могильнике Цахкалани п. 17, датированным 2-й половиной XV в. до н.э. – 1-й половиной XIII вв. до н.э. (Badalyan, Avetisyan, 2007, p. 280, pl. VIII). В начале I тыс. до н.э. они известны уже во Фригии, а в IX–VIII вв. до н.э. керносы фиксируются в северной и северо-западной части Ирана и Урарту (Дараган, 2011, с. 463). В Северном Причерноморье они появляются в предскифский и раннескифские периоды. М.Н. Дараган связывает их происхождение с наследием культуры Гава по причине наличия каннелюра на стенках сосудов (Дараган, 2011, с. 462), хотя надо заметить, что на Кавказе такой тип орнамента тоже известен, но вот именно керносов с каннелюрами неизвестно, отсутствуют они и на сосуде из п. 10 могильника Большие Хутора.

Интересен черпак из п. 10 могильника Псыбе (рис. 7, 3). Такие глубокие черпаки с петлевидной ручкой, прикрепленной к венчику помимо Северо-Западного Кавказа известны также и в Северном Причерноморье. Так, на поселении Жаботин встречены очень похожие изделия, выделенные в 3 тип черпаков и датированные концом VIII – серединой VII вв. до н.э. (Жаботин III)

(Дараган, 2011, с. 405, 411, рис. IV.5, 3, 11), единственное отличие заключается в оформлении венчика, лесостепные образцы имеют форму плавного изгиба, а не выступающий наружу венчик от прямых стенок. М.Н. Дараган находит параллели с черпаками чернолесской культуры, но между ними имеется разрыв в столетие. Мы считаем, что данный черпак имеет явные аналогии с чашами, имеющими расширяющийся к краю венчик (рис. 7, 6, 9, 6, 39). На них мы остановимся подробнее ниже, здесь лишь укажем, что в раннем железном веке на Северо-Западном Кавказе такие черпаки довольно хорошо представлены, например, в Абинском могильнике к. 1 пп. 20, 22, Пшиш п. 58-59, Пшиш-1 п. 51 и пр. (Эрлих, 2005, рис. 119-124).

Несмотря на то, что предметом нашего исследования являются погребения, в связи с общим дефицитом материала для ранних погребений обратимся к материалу коллекции из раскопок поселения раннего железного века Победа 5 возле ст. Натухаевской.

Тип грушевидного сосуда с уплощенной ручкой (рис. 7, 5) (Шишлов и др., 2011, рис. 3, 3) хорошо известен в Северном Причерноморье и является ярким маркером раннескифского периода. Так, например, подобные сосуды известны в лесостепных памятниках: Берестняги к. 82, Лазурцы к. 2, Журовка к. 406 и других погребений, оставленных скифоидным населением. Появление их отнесено к горизонту Жаботин III и бытуют они до конца VI в. до н.э. (Дараган, 2011, с. 535, рис. IV.6, 14, 17-18; Пеляшенко, 2014, с. 61). Происходят они из Передней Азии, где широко известны на Северо-Западном Иране в периоде Хасанлу IVB (IX в. до н.э.) (Danti, 2013, p. 358, fig. 17.13, o). Также известны они и во Фригии, в слое Гордиона YHSS 7A/6A до середины VIII в. до н.э. (Voigt, Henrickson, 2000, p. 50, fig. 4, 4). Помимо этого, аналогичные сосуды представлены в Лчашен-Мецаморской культуре урартского периода (Avetisyan, 1999/2000, fig. 58, 2).

Сосуды с орнаментом в виде двойного горизонтального ряда округлых, треугольных вдавлений или насечек (рис. 7, 4) (Шишлов и др., 2011, рис. 2, 1) появляются на Южном Кавказе с периода конца XVIII–XVI вв. до н.э. и будут известны в течение всего существования Лчашен-Мецаморской культуры, а также в Колхиде (Габелия, 2014, табл. XXVIII, 8; Badalyan, Avetisyan, 2007, p. 189, pl. II, 20-21, p. 215, pl. III, 4-5). На Северном Кавказе и прилегающих районах сосуды с таким орнаментом появляются позже и

будут известны на поселении Каменка, кобьяковских памятниках дельты Дона, в кобанской и кизил-кобинской культурах (Козенкова, 1982, с. 76, табл. LI, 4; Рыбалова, 1974, рис. 4, 10, 14, 14; Сенаторов, 2001, с. 71, рис. 30, 4, 34, 1, 3, 6, 214, 1-3; Шарафутдинова, 1980, табл. V, 4, VIII, 6, XII, I, XIV, 2).

Рассмотренные образцы хорошо демонстрируют связь с Южным Кавказом или шире - с Передней Азией, но мы считаем, что этого недостаточно и рациональным будет расширить обзор керамикой из погребений более позднего периода - VI-V вв. до н.э. Прекрасную коллекцию лепной керамики мы видим в материалах могильника у х. Рассвет (рис. 8, 1-5). В могильнике известно четыре типа захоронений, если считать с одиночным склепом. Каменные ящики составляют 55,6%, или 89 могил. У них преобладает восточная ориентировка, из них тринадцать парных захоронений, пять могил имели по три, и в одном случае зафиксировано четверо погребенных. В остальных случаях погребения были индивидуальные, или костяки не сохранились совсем. Преобладающей позой погребенных была вытянутая на спине и редкие случаи скорченно на боку (Новичихин, 2010, с. 194, 196).

Из погребения 157 происходит черпак, орнаментированный роговидным навершием на ручке. Подобные сосуды нами были отнесены к периоду последней четверти VIII-VII вв. до н.э., и как один из возможных регионов их появления на Северо-Западном Кавказе указывалась Колхида, где они бытовали с XII в. до н.э. (Белоусов, Федосов, 2021, с. 105-106). Можно добавить, что в этом же погребении было найдено железное копье ланцетовидной формы (Крушкол, Новичихин, 2010, с. 188, рис. 209, 5), аналогии которым распространены на Южном Кавказе и, в частности, на территории Колхиды, датируются они в рамках VII-IV вв. до н.э. (Gamkrelidze et al., 2016, p. 210-211, pl. III, 5-7).

Массив лепной керамики (рис. 9, 1-15) находит много параллелей на памятниках Северного и Южного Кавказа. Широкое распространение имеет чаша с вертикальными стенками с ребром при переходе к сужающемуся дну (рис. 9, 5, 22, 38). Такая форма чаш на Ближнем Востоке является одной из самых архаических и самых распространенных. Имея различия в орнаментальной традиции, наличию или отсутствию ручек, она все же сохраняет морфологические особенности на протяжении длительного времени. В верховьях Тигра и Евфрата она известна с

середины V тыс. до н.э., в Иране с начала IV тыс. до н.э., присутствуют такие сосуды и в Лчашен-Мецаморской культуре (Akkermans, 1988, p. 231, pl. 69, 24; Badalyan, Avetisyan, 2007, p. 240, pl. IX, 3; Lamberg-Karlovsky et al., 2001, p. 65, fig. 2.11). Помимо п. 117 могильника у х. Рассвет, мы ее видим и в кобанской культуре в погребении Пантелеймоновский, а также на поселении ахеменидского периода Бениамин II на Северо-Западе Армении (Козенкова, 1998, табл. XXXV, 11; Крушкол, Новичихин, 2010, с. 152, рис. 169, 2; Deschamps, Fichet de Clairfontaine, 2022, fig. 13, 13).

Миски, по морфологии схожие с уже рассмотренными выше, с вертикальными стенками и ребром при переходе к сужающемуся дну, имеют различие лишь в том, что вместо ребра идет плавный переход к вертикальной стенке (рис. 9, 3, 19, 36). На территории Южного Леванта они фиксируются с середины-конца периода Iron Age I (XI - X вв. до н.э.) (Macéir, 2012, p. 277, pl. 13:2:5-6, 13:5:4-6), на территории Северо-Западного Ирана они появляются достаточно поздно, в постурартский период (середина VII - середина VI вв. до н.э.) и будут широко распространены в ахеменидский период, как и на территории Западного Ирана, как например в поселениях Годин II и Баба Джан (Kroll, 1976, s. 120-121; Summers, Burney, 2012, p. 272, fig. 18, 4). На Северном Кавказе подобные находки единичны, помимо п. 100 могильника у х. Рассвет нам известна находка миски, только небольших размеров, из поселения Сержень-Юрт, причем еще В.И. Козенковой указывалось на закавказское происхождение этого типа мисок (Козенкова, 1982, с. 78, табл. LIII, 3; Крушкол, Новичихин, 2010, с. 134, рис. 149, 2).

К широко распространенным формам относятся и чаша с плоским дном, плавно переходящим в вертикальную стенку и расширяющимся к краю венчиком, которые мы видим на поселении Победа 5 и п. 30 могильника у х. Рассвет (рис. 7, 6, 9, 6) (Крушкол, Новичихин, 2010, рис. 52, 1; Шишлов и др., 2011, рис. 2, 8). Появляются такие сосуды во 2-й половине III тыс. до н.э. в Юго-Западной Анатолии в т.н. «западно-анатолийском наборе для питья», там они были представлены с двумя ручками (Ünlü, 2016, p. 349, fig. 2), а позже будут встречаться с одной ручкой (черпаки) или без них (чаши), как, например, на территории в Греции в периоде LH IIIB (XIV в. до н.э.) (Thomas, 2005, p. 478, 509-510, fig. 9, 12, 25, 19). В Восточном Средиземноморье они широко распространены в течение всего II тыс. до н.э. в форме чаш и черпаков (Bagh, 2013, p. 127, 131,

fig. 77, *m-r*, 79, *d*; Panitz-Cohen, Mazar, 2009, pl. 15, 3). На территории Северо-Западного Ирана аналогичные чаши хорошо известны с периода МВ III (XV – середина XIV вв. до н.э.), а в урартский период (IX – середина VII вв. до н.э.) – уже и на Южном Кавказе (Abedi et al., 2014, fig. 57, 5; Avetisyan, 1999/2000, fig. 39, 6; Danti, 2013, p. 333, fig. 17.1, *e*), где они будут бытовать до конца ахеменидского периода на поселениях Хасанлу IIIA и Яник тепе (рис. 9, 39) (Robert, Dyson, 1999, fig. 1, *a*, 2, *d*; Summers, Burney, 2012, fig. 17, 9). Любопытна находка такого сосуда на поселении Шушук, датированном радиоуглеродным методом XIII–XII вв. до н.э., но поскольку разрыв с рассматриваемым нами периодом составляет полтысячелетия, а находка единичная, то мы не можем говорить, что эти сосуды имели на Северо-Западном Кавказе какое-либо распространение в течение всего этого времени (Эрлих и др., 2022, с. 16, рис. 7, 27).

Миски закрытых форм (рис. 9, 1, 16–17, 27–28, 34), хоть и встречаются в разных регионах, но более характерны для Северо-Западного Ирана и галыштатской керамической традиции. На Балканах они присутствуют в группе Босут, культурах Гава и Басарабь-Шолдэнешть, в Северном Причерноморье будут известны в чернолесской культуре и в периодах Жаботин II–III (середина VIII – середина VII вв. до н.э.) (Дараган, 2011, с. 397–398, 532, 534, рис. IV.2). На Северо-Западном Иране они фиксируются уже с середины II тыс. до н.э. на поселении Хавтавана VIB, а на территории Лчашен-Мецаморской культуры они появляются только в урартский период (Avetisyan, 1999/2000, fig. 32, 3, 5–6; Edwards, 1981, fig. 18, 1–14, 19, 6). Миске из п. 82 могильника у х. Рассвет синхронные аналогии будут известны на Кавказе не только в кобанской культуре, но и в Колхиде (Козенкова, 1982, табл. LII, 3; Козенкова, 1998, табл. XXXV, 15; Крушкол, Новичихин, 2010, рис. 122, 1; Gamkrelidze, 2021, p. 607, pl. IX, 6, 14–15). Можно еще привести пример из раскопок Эребуни в Армении периода постурарту, миска датирована началом – 1-й половиной VI в. до н.э. Что интересно, у этой миски совпадает орнаментальный мотив с кобанской миской из могильника Инжиччукунский п. 1 (рис. 9, 16, 34) (Deschamps, Fichet de Clairfontaine, 2012, p. 119, fig. 18, 12).

Миски полусферической формы (рис. 9, 7, 23, 40) распространены очень широко географически и хронологически, поэтому мы ограничимся лишь упоминанием того, что на Кавказе такие миски тоже есть. Мы можем привести примеры

мисок, аналогичных найденной в п. 101 могильника у х. Рассвет, из могильника кобанской культуры Исправная п. 11 и из поселения Бениамин II (Козенкова, 1998, табл. XXXV, 3; Крушкол, Новичихин, 2010, рис. 151, 1; Deschamps, Fichet de Clairfontaine, 2022, fig. 12, 8–9). Стоит отметить отсутствие таких мисок в Колхиде.

Миски с резко обозначенным плечиком (рис. 9, 4, 20–21, 30, 37) становятся известны на территории Южного Леванта в период LBA IIB (2-я половина XIV в. до н.э.), а широкое распространение получают уже в конце II тыс. до н.э. (Maer, 2012, p. 276, pl. 13:12:12). В Лчашен-Мецаморской культуре такие миски фиксируются с периода EIA (XII–X вв. до н.э.) и будут бытовать и в более позднее время, в т.ч. и на территории Колхиды (Avetisyan, 1999/2000, fig. 34, 7, 9; Avetisyan, 2009, p. 71, fig. 3, 4; Gamkrelidze, 2021, p. 607, pl. IX, 13). Миски, аналогичные найденной в погребении 65 могильника у х. Рассвет, отнесенного к концу VI – началу V вв. до н.э. (Крушкол, Новичихин, 2010, рис. 95, 2), будут достаточно широко распространены. Например, в Северо-Западном Иране мы их видим на поселении Хасанлу IIIA (Robert, Dyson, 1999, fig. 8, *f*). На Северном Кавказе аналогии известны на могильниках Клинь-Ярский 2-й п. 1 и Исправная п. 2 (Козенкова, 1998, с. 97, табл. XXXV, 5, 7).

Воронкообразные миски (рис. 9, 8, 41), подобные найденной в п. 130, на Северном Кавказе авторам более не известны. На Колхиде они тоже не представлены, зато в Лчашен-Мецаморской культуре они хорошо известны с урартского периода, и для более позднего времени будут известны на поселении Эребуни (Крушкол, Новичихин, 2010, рис. 183, 1; Avetisyan, 1999/2000, fig. 10–11; Deschamps, Fichet de Clairfontaine, 2012, fig. 10, 8, 10).

Миски с широким дном, аналогичные найденной в п. 71 могильника у х. Рассвет (рис. 9, 2, 18, 29, 35), достаточно хорошо известны на памятниках Южного Кавказа. Ст. Кролл указывает, что помимо этого они широко распространены в урартский, постурартский и ахеменидский периоды в Северо-Западном Иране и северной части Восточной Анатолии. Вполне возможно, что истоком для данного типа мисок являются указанные им памятники Годин II (Западный Иран) и Персеполис (Крушкол, Новичихин, 2010, рис. 103, 1; Kroll, 1976, s. 112). Они известны в Колхиде, кобанской и кизил-кобинской культурах (Козенкова, 1982, табл. LIII, 7; Крис, 1981, с. 27, табл. 25, 2; Gamkrelidze, 2021, p. 607, pl. IX, 7–8,

10-12). О распространении на степных памятниках подобных мисок авторам не известно.

Глубокие сосуды закрытой формы (рис. 9, 9, 31-32, 42), аналогичные находке из п. 86 могильника у х. Рассвет, известны в период LBA-EIA (XV–X вв. до н.э.) в районах Карса и Эрзурума. На Южном Кавказе мы их видим на территории Колхиды с VII в до н.э. и в поселении Бениамин II ахеменидского периода (Крушкол, Новичихин, 2010, рис. 128, 1; Gamkrelidze, 2021, p. 607, pl. IX, 4-5; Işıklı, 2013, s. 225-226, fig. 6; Deschamps, Fichet de Clairfontaine, 2022, fig. 12, 5). Известны подобные находки и в кизил-кобинской культуре на поселениях Инкерманское и Ашлама-Дере (Крис, 1981, табл. 24, 5-8).

Сосуды бутылочной формы (рис. 9, 10, 43), аналогичные находке из п. 135 могильника у х. Рассвет, известны в Северо-Западном Иране с середины II тыс. до н.э. на поселении Хавтавана VIB и продолжают бытовать в периодах Iron I-II (середина XIII – IX вв. до н.э.). Известен подобный сосуд и из могильника Талин п. 57 (середина XII – конец XI вв. до н.э.), описанного нами выше (рис. 1, 6), а в VI в. до н.э. мы такие формы видим на поселении Азатан на территории Северо-Западной Армении (Крушкол, Новичихин, 2010, рис. 188, 2; Badalyan, Avetisyan, 2007, p. 254, pl. VIII, 13; Edwards, 1981, fig. 7, 1, 8, 2; Danti, 2013, p. 333, fig. 17.9, j, 17.11, m; Deschamps, Fichet de Clairfontaine, 2022, fig. 7, 4). В Северном Причерноморье есть аналогичная находка на поселении Ашлама-Дере в Крыму (Крис, 1981, табл. 30, 15).

Биконические сосуды (рис. 9, 11, 24, 33, 44), аналогичные найденному в п. 157 могильника у х. Рассвет (выше отнесенного нами к раннескифскому периоду при описании черпака с роговидными навершиями), широко известны на территории Северо-Западного Ирана еще с середины II тыс. до н.э. и бытуют вплоть до постурартского периода, когда они практически полностью выходят из обихода. На территории Южного Кавказа мы их встречаем еще на памятниках Лчашен-Мецаморской культуры периода LBA (XV – XIII вв. до н.э.), т.е. распространение происходило фактически синхронно. В ахеменидский период мы знаем такие сосуды из раскопок поселений Яник тепе в Северо-Западном Иране и Вани в Колхиде, а в кобанской культуре можно привести пример сосуда из могильника Исправная п. 1/2 (Козенкова, 1998, табл. XXXIII, 6; Крушкол, Новичихин, 2010, рис. 209, 2-3; Badalyan et al., 2008, fig. 23, a-c, e; Castelluccia, 2019, p. 98, fig. 13, 15; Danti, 2013, p. 350, fig. 17.9, l; Edwards,

1981, fig. 10, 1, 11, 14, 13, 41-43; Summers, Burney, 2012, fig. 23, 7.11).

Миниатюрные сосуды (рис. 9, 12-14, 25-26, 45-47), встреченные в пп. 73, 74, 83 и 107 могильника у х. Рассвет, находят аналогии в Восточном Средиземноморье. Появление их зафиксировано в Южном Леванте в периоде MB IIA (XIX вв. до н.э.), где они стали дешевой альтернативой египетским алебастровым сосудам и бытовали все II тыс. до н.э., хорошо известны они и в Греции с периода LH IIIB (Крушкол, Новичихин, 2010, рис. 106, 3, 124, 1, 159, 1; Maeir, 2012, p. 280, pl. 13.11, 22, 13.18, 21; Oren, 2019, p. 272-273, pl. 4.1.14, 1-15; Thomas, 2005, p. 468-470, fig. 6, 1-8). На территории Северо-Западного Ирана они известны на поселении Хавтавана VIB, Геой тепе и пр. середины II тыс. до н.э. и продолжали бытовать в период Хасанлу IV (середина XI – IX вв. до н.э.) (Danti, 2013, p. 350, fig. 17.1, l, o-p, 17.11, k-l, o-s, q; Edwards, 1981, fig. 8-9). С XII–X вв. до н.э. такая керамика появляется в Лчашен-Мецаморской культуре (Badalyan, Avetisyan, 2007, p. 255-256, pl. IX, 15-16, X, 2). В рассматриваемый нами период миниатюрные сосуды известны на поселениях Эребуни, Яник тепе и Бениамин II региона озер Севан-Урмия (Deschamps, Fichet de Clairfontaine, 2012, fig. 10, 5; Deschamps, Fichet de Clairfontaine, 2022, fig. 15, 21; Summers, Burney, 2012, fig. 10, 3). В кобанской культуре они также хорошо известны, в качестве примера можно привести сосуды из поселения Сержень-Юрт и могильника Нестеровский п. 2 (Козенкова, 1982, табл. XLVIII, 5, 9).

Отдельно необходимо сказать о миниатюрном сосуде на ножке (рис. 9, 15). На составленной нами таблице не указаны аналогии для ахеменидского периода, однако такой тип сосуда был достаточно широко распространен в VIII–VII вв. до н.э. на памятниках Ирана, таких как Персеполис, Зендан, Бастам и пр., Армавир и Кармир Блур на Кавказе, Патнос в Восточной Анатолии, Гордион во Фригии и др. (Крушкол, Новичихин, 2010, рис. 108, 1; Kroll, 1976, s. 129). В кобанской культуре В.И. Козенкова относит их к ритуальным сосудам, называет бокалами и датирует диапазоном X–VII вв. до н.э., но поскольку имеются более узкие даты для подобных сосудов в Передней Азии, то имеет смысл скорректировать столь широкий диапазон, вовсе не означающий, что с X в. до н.э. бокалы уже бытовали на Северном Кавказе, в сторону VIII–VII вв. до н.э., тем более, что В.И. Козенковой было учтено всего четыре находки (Козенкова, 1982, с. 81, табл. LV, 2-4).

На территории Колхиды они станут известны в VI–I вв. до н.э. на Эшерском городище и поселении на холме Верецагина, так же поздно, как и на Северо-Западном Кавказе. Известные фрагменты сосудов не выразительны и поэтому мы их не включили в сравнительную таблицу (Джопуа, 2009, с. 105–107, 137 рис. 91, 5–6, 121, 5–10).

Теперь, после краткого разбора коллекции, необходимо дать общие комментарии. Первое, мы не стали разделять лепную керамику могильника у х. Рассвет по типам погребений, поскольку она представляет собой культурное единство. Второй по количеству погребений тип обрядности (38,8% от общего числа) также имеет аналогии в Лчашен-Мецаморской культуре. Погребения в неглубоких ямах, обложенных по краю камнями известны, к примеру, на могильнике Кходжабахер Лчашен-Мецаморской культуры, где они датируются XIV–XIII вв. до н.э. Встречается такой тип погребений и среди поздних погребений могильника Тли, с VI в. до н.э. известны они и на Северном Кавказе (Виноградов, 1972, с. 208–209; Новичихин, 2010, с. 192; Badalyan, Avetisyan, 2007, p. 175, pl. II, III, 1–3). Подобный тип погребений зафиксирован также и в Крыму (Крис, 1981, с. 42). Данная обрядность является отдельным субъектом, а значит имеет свое пространство и время, и, соответственно, она требует отдельного исследования, которое уже будет выходить за рамки заявленной темы настоящей статьи. В этой связи разделение керамики по типам погребений мы сочли нецелесообразным.

Второй и очень важный момент заключается в том, что коллекция лепной керамики могильника за редким исключением, вроде черпака с роговидным навершием, является ахеменидской керамикой. Уточним терминологию. В керамической традиции Лчашен-Мецаморской культуры не было резких изменений, шла поэтапная эволюция, обогащаемая нововведениями и, как мы уже видели, многие типы керамики пришли на Кавказ еще до ахеменидского периода, поэтому термины керамика «урартского», «постурартского» и «ахеменидского» периодов несут прежде всего хронологический смысл. Поскольку аналогичная керамика региона Севан-Урмия со второй половины VI в. до н.э. определяется как ахеменидская, то и для могильника у х. Рассвет – это определение верное. Если сместить акцент с хронологии, то ее можно назвать

переднеазиатской, а в еще более узком смысле южнокавказской керамикой.

Подытоживая рассмотренные нами материалы, мы видим, что аналогичные погребальные и керамические традиции известны в пределах всего Северного Кавказа. Надо уточнить, что в это время ахеменидская керамика бытует в т.ч. и на территории Северо-Восточного Кавказа (Багаев, 2005). Соответственно, встает вопрос, является ли появление таких погребений на территории Северного Причерноморья миграцией с территории Лчашен-Мецаморской культуры, или они связаны с кобанской культурой.

Из рассмотренных нами могильников мы видим, что обряд погребения в каменных ящиках преобладал на Южном и Северо-Восточном Кавказе. С XII–X вв. до н.э. эта традиция приходит на территорию кобанской культуры, но тут мы видим важную особенность – некоторые могильники имеют лчашенскую обрядность, а некоторые, сохраняя местную ориентировку погребенных, лишь меняют тип могильной конструкции с ям на ящики, причем это не было повсеместным явлением, а с VII в. до н.э. возрастает количество парных погребений (Козенкова, 1989, с. 83). На Северо-Восточном Кавказе к традиционной обрядности каякентско-харачоевской культуры добавляются традиции парных и коллективных захоронений, появляется поза сидя. Что касается керамики, то, несмотря на присутствие южнокавказской керамики на территории Северного Кавказа, параллельно ей продолжает бытовать и местная керамическая традиция. Соответственно, для кобанских памятников корректно говорить о влиянии. Конечно, часть могильников непосредственно связана с мигрантами и выявление их – решаемая задача, но не входящая в задачи данного исследования. В целом для региона это, конечно, можно назвать влиянием.

Для Северо-Западного Кавказа картина немного иная. Тут не присутствует какая-либо местная обрядность, кроме захоронений в дольменах, и вовсе не известна местная керамическая традиция в погребениях, если не считать таковым колхидский материал⁵, который так же известен на этой территории. К сожалению, исследование дольменных памятников упирается в чрезвычайно малую часть опубликованных материалов. Мы лишь можем опираться на сообщения, о том, что в дольменах находился материал раннего железного века или античной эпохи. Из чего

⁵ Имеются в виду черпаки с роговидными навершиями

из погребальных памятников.

сложно сказать дольмены просто использовались пришлым населением или это традиция захоронения автохтонных племен. Только опираясь на то, что аналогично Северо-Западному Кавказу распространенным обрядом погребения дольмены были также в Колхиде, погребения в которых совершались вплоть до античного времени мы можем лишь предположить, что это могло быть колхидское население (Гогадзе, Панцхава, 1997, с. 66). Но сделать вывод о том, что погребения в дольменах совершались как до появления каменных ящиков на Северо-Западном Кавказе, так и синхронно им, мы можем.

На территории наибольшего распространения каменных ящиков в Крыму мы видим ту же обрядность, выбор возвышенностей для могильников, их рядность, наличие коллективных погребений, скорченная поза погребенных с северо-восточной, а иногда и южной ориентировкой (в тех случаях, когда удавалось фиксировать трупоположение), есть упоминание и о сидячей позе. Х.И. Крис также проводила параллели в наличии кобанских бронз из таких погребений, отмечала схожесть керамики с кавказскими материалами. Е.А. Кравченко уточняет и дополняет выводы Х.И. Крис наблюдением, что кавказская керамика присуща исключительно погребениям в каменных ящиках; помимо этого, могильники аналогичны кавказским и в плане социально-иерархической структуры, т.е. наличием нескольких рядов в могильнике, содержащих разные по количеству погребенных могилы (что мы видели в Геленджикском могильнике). Е.А. Кравченко выделяет несколько этапов кизил-кобинской культуры и появление каменных ящиков в Крыму она определяет, как основной маркер для таврского периода культуры (2-я половина VIII – середина IV вв. до н.э.) (Кравченко, 2010, с. 95-108; Крис, 1981, с. 32, 34-43, 46-47). Мы можем говорить, что примерно в это же время появляются и ранние погребения в ящиках на Северо-Западном Кавказе.

Что касается изменения трупоположения со скорченного на вытянутое на спине, то такую позу В.И. Козенкова считает нехарактерной для кобанской культуры, а ее появление определяет серединой VI в. до н.э. для памятников западного варианта и VII – VI вв. до н.э. для восточного (Козенкова, 1977, с. 23; Козенкова, 1989, с. 83-84). В Крыму мы можем этот переход отнести к этому же периоду, по крайней мере с VI в. до н.э. такое трупоположение в каменных ящиках уже известно (Колтухов, 2014, с. 54). В восточной части

Северного Причерноморья положение вытянуто на боку становится известным с VIII в. до н.э., но наибольшее распространение получит ближе к концу VIII–VII вв. до н.э. Именно влияние степной традиции В.И. Козенкова считает причиной изменения обрядности на памятниках Северного Кавказа (Козенкова, 2018, с. 291; Лукьяшко, 2012, с. 247, 251; Эрлих, 2005, с. 84).

Тема появления и распространения керамики урартского и ахеменидского периодов на Северном Кавказе и Крыму весьма обширна, поэтому в рамках данной статьи мы ограничились ее рассмотрением через коллекцию единственного могильника у х. Рассвет, но даже это позволяет нам сделать некоторые выводы. Во-первых, ее распространение характерно для территорий, на которых присутствуют захоронения, связанные с погребальной традицией Южного Кавказа. Так, к примеру, подобная керамика малоизвестна в степных памятниках столь раннего периода, мало распространена она и на Колхиде, что мы видим на примере составленной нами таблицы сравнения типов керамики для VII–IV вв. до н.э. (рис. 9). Во-вторых, по материалам могильника у х. Рассвет мы видим, что связи Северо-Западного Кавказа и региона оз. Севан-Урмия не прекращались и в VI–V вв. до н.э., что мы считаем важным фактором.

В итоге мы видим, что для памятников Северного Причерноморья характерно культурное единство с памятниками Лчашен-Мецаморской культуры и последующим постурартским и ахеменидским периодами, выраженное в единстве могильной конструкции, обряде трупоположения (для ранних погребений) и единстве керамической традиции.

Необходимо также указать и иные особенности погребений. К таковым можно отнести сооружение оградок или кромехов из крупных камней как мы можем видеть на примере могильника Лобанова Щель и п. 75 могильника у х. Рассвет (рис. 8, 5-7) (Крушкол, Новичихин, 2010, рис. 109; Малышев, Горланов, 2020, рис. 5, 1-2). Аналогичную конструкцию описывает И.И. Аханов в Геленджикском могильнике п. 6 2-й группы курганов, хотя отмечает, что симметрии в выкладке не было (Аханов, 1954, л. 16). Для памятников кобанской культуры В.И. Козенкова указывает, что такая особенность погребений в каменных ящиках появляется только в скифский период (Козенкова, 1989, с. 77, табл. XXVIII, 8). Распространены кромехи и на крымских памятниках (Крис, 1981, с. 38, 42). Касательно наличия

отверстия в каменных ящиках Геленджикского могильника, то их, на наш взгляд, стоит рассматривать как влияние местного населения, практиковавшего обряд погребения в дольменах, во всех иных аспектах они соответствуют традиции погребениям в каменных ящиках Южного Кавказа. Наличие же подпорок у боковых стен некоторых погребений Геленджикского могильника также находит аналогии в кобанской культуре (Козенкова, 1989, с. 77, табл. XXVIII, 2).

Обратим внимание на возможную причину, побудившую к миграции население. Ответ, как нам кажется, можно найти в клинописных текстах VIII в. до н.э. Во время правления Урартского царя Аргишти I (786-764 гг. до н.э.) начинается политика военной экспансии на Кавказ. Военные походы носили не только грабительский характер, параллельно началось основание новых городов и крепостей. Так, к примеру, к западу от оз. Севан был основан город Аргиштихинили, и в это же время прекращает функционировать расположенный в том же районе могильник Талин, описанный нами выше. В текстах указывается, что город Аргиштихинили был основан в стране Ази (Ачи), и что это враждебная земля для Урартского царства. Поселение Ирпуни так же строилось для усмирения вражеского населения. Помимо этого, мы знаем, что объектами военной экспансии Аргишти I на Южном Кавказе стали страны: Этиуни, Гулутахи, Аништиргасе. Параллельно там начинают появляться новые погребальные традиции, такие как погребения в урнах и обряд кремации, а характерные для Лчашен-Мецаморской культуры каменные ящики начинают появляться в других регионах Урарту (Есаян и др., 1992, с. 22; Меликишвили, 1953, с. 263, 269, 271; Yengibaryan, 2019, p. 25). Военная экспансия продолжилась при Сурдари II (764-735 гг. до н.э.), а окончательное покорение региона произошло при царе Руса I (735-714 гг. до н.э.) после которого в текстах нет упоминаний о военных походах на Кавказ (Yengibaryan, 2019, p. 25-26). Начало военной экспансии Урарту на Кавказ совпадает с появлением погребений в каменных ящиках на Северо-Западном Кавказе и Крыму, и, мы считаем, это и стало главной причиной миграции.

Все же мы должны указать, что миграция могла носить не одномоментный характер, а растянуться во времени на несколько волн. Господство Урарту на Кавказе продлилось до середины VII в. до н.э. После военного поражения и упадка Урарту в регионе наступает так называемый

постурартский период. Традиционно в отечественной историографии военный разгром Урарту связывают со скифскими походами. Зарубежные исследователи склоняются к версии о совместном вторжении скифов, мидийцев и вавилонян, а один из ведущих урартоведов Ст. Кролл предположил, что это было скорее восстание местного населения, нежели внешнее вторжение, по крайней мере, разрушению подверглись только те города и крепости, которые строились урартскими царями на территории Кавказа, Северо-Западного Ирана и части Восточной Анатолии (Kroll, 2014, p. 204).

Погребения в каменных ящиках будут бытовать на территории Южного Кавказа весь античный период и будут известны вплоть до средневековья на территории Армянского царства и Иберии, сохранив восточную и северо-восточную ориентировку, а с периода позднего эллинизма, помимо традиционной позы, возрастет число погребений с вытянутыми на спине костями (рис. 3, 1-3) (Кошеленко, 1985, с. 66, 89, табл. XXXVI, 2, 7; Sagona et al., 2010, fig. 21, 4; Shatberashvili, 2012, pl. II, VII, 1-2).

Как мы видим из проведенного исследования, позиции Е.М. Алексеевой и Ю.Н. Воронова верны в своей логике, но лишь в тех рамках, в которых они рассматривали проблему. Если Е.М. Алексеева рассматривала ближайшие памятники кобанской культуры и, обнаружив там аналогии, пришла к выводу о «генетической» связи памятников, то Ю.Н. Воронов рассмотрел проблему в рамках всей кобано-колхидской культурной общности и, видя в восточной части ареала погребения в каменных ящиках, тем более имеющих весьма редкие погребения с вытянутыми костями, да еще и с традицией подзахоронения в них, пришел к выводу о миграциях из этого региона. Проблема была в том, что кобано-колхидская субъектность определяется металлургической традицией, поэтому Ю.Н. Воронов, хоть и указывал о наличии таких погребений в более широких географических рамках, все же не вышел за рамки обозначенной субъектности и ограничился указанием восточных погребений колхидской культуры, этим же критерием он апеллировал при выделении локального варианта в Северо-Восточном Причерноморье. Для решения поставленных задач мы выделили сами погребения в качестве отдельного субъекта, рассмотрели их в широком хронологическом и географическом надкультурном пространстве и приведенные аргументы считаем достаточными

для утверждения о миграции населения Лчашен-Мецаморской культуры Южного Кавказа на территорию Северо-Восточного Причерноморья и Крыма в раннем железном веке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аханов И.И., 1954. Отчет о дослідованні геленджикських гробниць епохи пізньої бронзи // ГKM – ф.2 д. 13.
- Аханов И.И., 1961. Геленджикские подкурганые дольмены // СА. №1. – М. С. 139-150.
- Багаев М.Х., 2005. Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье (VI в. до н.э. - XII в. н.э.). – М. 856 с.
- Белоусов А.В., Федосов М.Ю., 2021. Материалы финальной бронзы и раннего железного века из фондов Геленджикского историко-краеведческого музея // Вопросы археологии Адыгеи за 2021. – Майкоп. С. 100-112.
- Василиненко Д.Э., Кондрашев А.В., Пьянков А.В., 1993. Археологические материалы предскифского и раннескифского времени из Западного Закубанья // Древности Кубани и Черноморья. – Краснодар. С. 21-38.
- Виноградов В.Б., 1972. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII-IV вв. до н.э.). – Грозный. 391 с.
- Воронов Ю.Н., 2006. Колхида в железном веке. Колхида на рубеже средневековья // Научные труды в семи томах. Т. 1. – Сухум. 456 с.
- Габелия А.Н., 2014. Абхазия в предантичную и античную эпохи. – Сухум. 505 с.
- Гей А.Н., 2005. Исследование древних памятников Западного Кавказа (О работах Северо-Кавказской экспедиции в 2003 г.) // КСИА. Вып. 219. – М. С. 36-49.
- Гогадзе Э., Панцхава Л., 1997. Колхидская культура эпохи бронзы и раннего железа // Вестник Государственного музея Грузии. Т. 42. – Тбилиси. С. 64-91.
- Григорьев А.Б., 2008. Изучение памятников археологического наследия Геленджика (XIX-XX вв.) // Наследие Кубани. Вып. 1. – Краснодар. С. 354-376.
- Дараган М.Н., 2011. Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной Лесостепи. – Киев. 842 с.
- Джопуа А.И., 2009. Центральная Абхазия в I тысячелетии до н.э. по археологическим памятникам села Эшера (Абхазия). – М. 398 с.
- Дмитриев А.В., Дрыга Д.О., Малышев А.А., Моор В.В., 2018. Дольмены в антропогенном ландшафте полуострова Абрау // Сибирские исторические исследования. №3. – Томск. С. 139-157.
- Есаян С.А., Биягов Л.Н., Амаякян С.Г., Канецян А.Г., 1992. Урартские памятники. Биайнская гробница в Ереване. Т. 2. // Археологические памятники Армении. Т. 15. – Ереван. 47 с.
- Кашуба М.Т., 1999. «Другая» чернолесская культура Среднего Днестра по Л.И. Крушельницкой // Stratum plus. №3. – Кишинёв. С. 369-389.
- Кашуба М.Т., 2000. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом // Stratum plus. №3. – Кишинев. С. 241-488.
- Козенкова В.И., 1977. Кобанская культура. Восточный вариант // САИ. Вып. В2-5. – М. 87 с.
- Козенкова В.И., 1982. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // САИ. Вып. В2-5. – М. 177 с.
- Козенкова В.И., 1989. Кобанская культура. Западный вариант // САИ. Вып. В2-6. – М. 196 с.
- Козенкова В.И., 1998. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. САИ. Вып. В2-5. Т. 5. – М. 200 с.
- Козенкова В.И., 2018. Заметки о некоторых аспектах и векторе развития кобано-скифских взаимоотношений // Археологические вести. Вып. 24. – СПб. С. 290-311.
- Колтухов С.Г., 2014. Погребения скифского времени в курганах Центрально-Крымской степи // История и археология Крыма. Вып. I. Сборник статей, посвященный 100-летию со дня рождения Олега Ивановича Домбровского. – Симферополь. С. 45-73.
- Кошеленко Г.А. (отв. ред.), 1985. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии // Археология СССР. – М. 496 с.
- Кравченко Е., 2010. Кизил-кобинская культура у Захидному Криму. – Киев. 276 с.
- Крис Х.И., 1981. Кизил-кобинская культура и тавры // САИ. Вып. Д1-7. – 128 с.
- Крушкол Ю.С., Новичихин А.М., 2010. Описание погребальных комплексов. Каталог // Наследие архаической синдики (по материалам некрополя у хутора Рассвет). Под ред. А.А. Малышева. Некрополи Черноморья. Т. III. – М. С. 21-192.
- Кузьмина Е.Е., 1994. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М. 463 с.
- Кушнарева К. Х., Марковин В. И., 1994. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа // Археология СССР. – М. 392 с.
- Литвиненко Р.А., 1999. Периодизация срубных могильников Северо-Восточного Приазовья // Древности Северо-Восточного Приазовья. – Донецк. С. 4-23.
- Лукияшко С.И., 2012. Население Нижнего Дона в предскифское и скифское время (IX-IV вв. до н.э.). – Ростов-на-Дону. 802 с.
- Малышев А.А., Горланов С.С., 2020. О погребальных сооружениях населения полуострова Абрау в эпоху раннего железа // Теория и практика археологических исследований. Т. 32, № 4. – Барнаул. С. 67-82.
- Малышев А. А., Новичихин А. М., 2022. Полуостров Абрау в эпоху раннего железа // Нуранис. Труды отдела классической археологии ИА РАН. Т. 4. – М. С. 162-186.
- Марковин В.И., 1969. Дагестан и Горная Чечня в древности. Каякентско-хорочоевская культура. – М. 116 с.
- Марковин В.И., 1972. Памятники дольменной культуры в Краснодарском крае // АО за 1971. Отв. Ред. Б.А. Рыбаков. – М. С. 131-132.
- Марковин В.И., 2011. Курган Псынако – памятник дольменной культуры Кавказа. Издательский отдел КБИГИ. – Нальчик. 84 с.
- Меликишвили Г.А., 1953. Урартские клинописные надписи (продолжение) // ВДИ. №3. – М. С. 231-276.
- Новичихин А.М., 2010. Планиграфия и погребальный обряд могильника у хутора Рассвет // Наследие архаической синдики (по материалам некрополя у хутора

Рассвет). Под ред. А.А. Малышева. Некрополи Черноморья. Т. III. – М. С. 192-204.

Новичихин А.М., 2014. Об этногенезе синдов // Древняя и средневековая культура адыгов. Издательский отдел КБИГИ РАН. – Нальчик. С. 110-121.

Пеляшенко К.Ю., 2014. Кружковидные черпаки раннескифского времени лесостепной части Среднего Поднепровья // *Stratum plus*. №3. – Кишинев. С. 51-64.

Погребова М.Н., 2011. История Восточного Закавказья: вторая половина II - начало I тыс. до н.э.: (по археологическим данным). – М. 422 с.

Рыбалова В.Д., 1974. Поселение Каменка в Восточном Крыму // АСГЭ. №16. – Л. С. 19-50.

Сенаторов С.Н., 2001. Лепная керамика кизил-кобинской культуры (типология и хронология) – СПб. 480 с.

Сизов В.И., 1889. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии // Материалы по археологии Кавказа. Вып. II. – М. 183 с.

Техов Б.В., 1977. Центральный Кавказ в XVI – X вв. до н.э. – М. 240 с.

Тешев М.К., 1983. Новый памятник поздней бронзы на Западном Кавказе // СА. №4. – М. С. 209-213.

Ткачев А.А., 2003. Бронзовый век Центрального Казахстана. – М. 582 с.

Трифонов В.А., Зайцева Г.И., Плихт Х., Бурова Н.Д., Семенцов А.А., Ришко С.А., 2012. Первые радиоуглеродные даты альтернативных форм погребального обряда «дольменной» культуры на Северо-Западе Кавказа // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2. – СПб. С. 100-107.

Трифонов В.А., 2014. Дольмен Джубга на Черноморском побережье Кавказа // ЗИИМК РАН. №10. – СПб. С. 104-131.

Фелицын Е.Д., 1904. Западно-Кавказские дольмены // МАК. Вып. IX. – М. С. 1-86.

Шарафутдинова Э.С., 1980. Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобяковская культура) // САИ. Вып. В1-11. – Л. 128 с.

Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В., 2011. Особенности поселений раннего железного века в приморской зоне Северо-Западного Кавказа // Проблемы археологии Кавказа (к 70-летию Ю.Н. Воронова). – Сухум. С. 75-78.

Щеглов Д.Е., 1957. Отчет об обследовании археологических памятников на территории Геленджикского района за период 1955-1957 гг. // ГKM – ф. 2, д. 6.

Эрлих В.Р., 2005. Северо-Западный Кавказ в начале железного века (протомеотская группа памятников). – М. 718 с.

Эрлих В.Р., Клещенко А.А., Гак Е.И., Годизов Г.Л., 2022. Археологический комплекс Шушук – эталонный постдольменный памятник предгорий Северо-Западного Кавказа эпохи средней-поздней бронзы // РА. №1. – М. С. 7-23.

Abedi A., Shahidi H.K., Chataigner C., Niknami K., show all 5 authors., 2014. Excavation at Kul Tepe (Hadishahr), North-Western Iran, 2010: First preliminary report // *Ancient Near Eastern Studies*. 51. – P. 33-165.

Akkermans P.M.M.G., 1988. The period IV pottery // *Hammam et-Turkman*. Ed. by M.N. Van Loon. Nederlands

Historisch-Archeologisch Instituut. – Te Istanbul. P. 181-285.

Avetisyan H., 1999/2000. Urartian Ceramics from the Ararat Valley as a Cultural Phenomenon (A Tentative Representation) // *Iran & the Caucasus*. Vol. 3-4. – Leiden; Boston. P. 293-314.

Avetisyan P., 2009. On Periodization and Chronology of the Iron Age of Armenia // *ARAMAZD Armenian Journal of Near Eastern Studies*. Vol. 2. Issues 2. – Yerevan. P. 55-76.

Badalyan R., Avetisyan P., 2007. Bronze and Early Iron Age Archaeological Sites in Armenia I: Mt. Aragats and its Surrounding Region. BAR IS 1697 – Oxford. 319 p.

Badalyan R., Smith A.T., Lindsay I., Khatchadourian L. and Avetisyan P., 2008. Village, fortress, and town in Bronze and Iron Age Southern Caucasia: A preliminary report on the 2003–2006 investigations of Project ARAGATS on the Tsaghkahovit Plain, Republic of Armenia. // *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. Deutsches Archäologisches Institut V.40. – Berlin. S. 45-105.

Bagh T., 2013. Tell el-Dab'a XXIII: Levantine Painted Ware from Egypt and the Levant // *Denkschrift der Gesamtkademie*. Band XXXVII. – Wien. 342 p.

Casanova M., Lorre C., Alekberov A., Fahimi H., Sauvage M., Haze M., Vella M-A., 2016. The necropolises of Azerbaijan during the Bronze and Iron Ages in the Lenkoran and the Lerik areas (NABIALLA Project, Azerbaijan): Preliminary report of the 2012-2013 campaigns // *Quaternary International*. №395 (2016). – P. 194-207.

Castelluccia M., 2019. Some Remarks on Achaemenid Era Pottery. Assemblages from Transcaucasia // *Ceramics and the Archaeological Achaemenid Horizon: Near East, Iran and Central Asia*. Series Minor LXXXVI. Ed. by Genito B., and Maresca G. – Napoli. P. 90-109.

Chuan-Chao Wang, Reinhold S., Kalmykov A., Wissgott A., show all 46 authors., 2019. Ancient human genome-wide data from a 3000-year interval in the Caucasus corresponds with eco-geographic regions // *Nature Communications*. 10 (1): 590. – P. 1-13.

Danti M., 2013. The Late Bronze and Early Iron Age in Northwestern Iran // *The Oxford Handbook of Ancient Iran*. Ed. by D.T. Potts. Oxford University Press. – Oxford; New York. P. 327-376.

Deschamps S., Fichet de Clairfontaine F., 2012. La céramique ourartéenne et post-ourartéenne du secteur du temple de Haldi - Erenuni (milieu VIIe av. Début VIe av. J.-C.) // *ARAMAZD Armenian Journal of Near Eastern Studies*. Vol. 7 Issues 1. – Yerevan. P. 105-143.

Deschamps S., Fichet de Clairfontaine F., in collaboration 7 authors., 2022. Achaemenid ceramics from the site Benjamin II (Shirak, Armenia): the end of the 6th to the mid 4th centuries BC // *ARAMAZD Armenian Journal of Near Eastern Studies*. Vol. 15 Issues 1-2. – Yerevan. P. 202-250.

Edwards M.R., 1981. Pottery of Haftavan VIB (Urmia Ware) // *Iran. Journal of the British Institute of Persian Studies*. Vol. XIX. Issue 1. – London. P. 101-140.

Gamkrelidze G., Shatberashvili V., Pirtskhalava M., Charkviani M., Davlianidze R., 2016. Typological analysis and statistical data of weapons from the cemeteries of 5th – 4th centuries BC excavated in Georgia // *IBERIA-COLCHIS*. №12. – Tbilisi. P. 209-231.

- Gamkrelidze G., 2021. Archeology of Georgia (5th century BC - 5th century AD). Journal IBERIA-COLCHIS. Supplement I. – Tbilisi. 685 p. (на груз. яз.).
- Hasanpur A., Hashemi Z., Overlaet B., 2015. The Baba Jilan graveyard near Nurabad, Pusht-I Kuh, Luristan // *Iranica Antiqua*. Vol. L. – P. 171-212.
- Işıklı M., 2013. Some comments on the Late Bronze Age process in Erzurum and the adjacent region // *Austausch und Kulturkontakt im Südkaukasus und seinen angrenzenden Gebieten in der Spätbronze- / Früheisenzeit*. Schriften 22. – S. 223-237.
- Kizil A., Dogan T., 2018. The Geometric and Archaic Period Tombs Uncovered in the South Necropolis at Euroamos // *TÜBA-AR Türkiye Bilimler Akademisi Arkeoloji Dergisi*. – Ankara. S. 137-157.
- Konyar E., 2011. Tomb Types and Burial Traditions in Urartu // *Urartu Doğu'da Değişim. Transformation in the East* – İstanbul. P. 206-234.
- Kroll St., 1976. Keramik urartäischer Festungen in Iran - Ein Beitrag zur Expansion Urartus in Iranisch-Azarbaidjan. *Archäologische Mitteilungen aus Iran Erg. Bd. 2*. – Berlin. 184 s.
- Kroll. St., 2014. Notes on the Post-Urartian (Median) horizon in NW-Iran and Armenia // *Essays in Honor Veli Sevin. A Life Immersed in Archaeology*. Ed. by A. Özfırat. – İstanbul. P. 203-210.
- Kurts D.C., Boardman J., 1971. Greek Burial Customs. – London. 390 p.
- Lamberg-Karlovsky C.C., Potts D. T., Pittman H. and Kohl P.L., 2001. Excavations at Tepe Yahya, Iran 1967-1975: The Third Millennium. *American School of Prehistoric Research. Bulletin 45*. – Harvard University; Cambridge; Massachusetts. 340 p.
- Maeir A.M. (ed. by), 2012. Tell es-Safi/Gath I: The 1996 – 2005 Seasons. *Ägypten und Altes Testament. Band 69*. – Harrassowitz Verlag; Wiesbaden. P. 311.
- Nazari S., Sha'rbafı M., Parseh S., Salahshoor A.A., 2016. Introduction and Preliminary Assessment of Cist Tombs in Gahväre District, Kermanshah Province, Western Iran // *International Journal of Archaeology*. Vol. 4, No. 6-1. – P. 1-7.
- Oren E.D., 2019. Middle Bronze Age II–Late Bronze Age II Egyptian and Egyptian-Type Pottery // *The Ancient Pottery of Israel and its Neighbors from the Middle Bronze through the Late Bronze Age*. Ed. by S. Gitin. – Jerusalem. P. 259-338.
- Overlaet B., 2005. The chronology of the Iron Age in the Pusht-I Kuh, Luristan // *Iranica Antiqua*. Vol. XL. – P. 1-33.
- Özfırat A., 2018. The Early Iron Age Cemeteries of the Lake Van Basin: An Overview of Burial Tradition of Pre-Urartians // *TÜBA-AR Türkiye Bilimler Akademisi Arkeoloji Dergisi*. – Ankara. S. 149-187.
- Palumbi G., 2007. From Collective Burials to Symbols of Power. The Translation of Role and Meanings of the Stone-lined Cist Burial Tradition from Southern Caucasus to the Euphrates Valley // *Scienze dell'Antichità*. 14. – Sapienza Università di Roma. P. 17-44.
- Panitz-Cohen N. and Mazar A., 2009. Excavations at Tel Beth-Shean 1989-1996. Volume III: The 13th–11th Century BCE Strata in Areas S and N. *The Institute of Archaeology. The Hebrew University of Jerusalem – Jerusalem*. P. 791.
- Robert H., Dyson Jr., 1999. The Achaemenid Painted Pottery of Hasanlu IIIA // *Anatolian Studies: Journal of the British Institute at Ankara*. Cambridge University Press. Vol. 49. – P. 101-110.
- Ruppenstein F., 2020. Migration Events in Greece at the End of the Second Millennium BC and Their Possible Balkanic Background // *Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. Band 350*. – Bonn. S. 107-123.
- Sagona A., Nikolaishvili V., Sagona C., Ogleby C., Pilbrow V., Briggs C., Giunashvili G., Manjegaladze G., 2010. Excavations at Samtavro, 2008–2009: An Interim Report // *Ancient Near Eastern Studies. Supplement 47*. – Peeters; Leuven; Paris. P. 1-136.
- Shatberashvili V., 2012. Khevkhmela Gorge in Classical period // *IBERIA-COLCHIS*. №8. – Tbilisi. P. 98-116. (на груз. яз.).
- Summers G.D., Burney C.A., 2012. Late Iron Age Pottery from Northwestern Iran: The Evidence from Yanik Tepe // *Ancient Near Eastern Studies. Supplement 39*. – Peeters; Leuven; Paris; Walpole, MA. P. 269-317.
- Thomas P.M., 2005. A deposit of Late Helladic IIIB1 pottery from Tsoungiza // *Hesperia*. Vol. 74. №4. – P. 451-573.
- Ünlü E., 2016. The Handle Wagging the Cup. Formal Aspects of Alcohol Consumption in the Transfer of Ideology: Anatolia and the Aegean Towards the End of the Third Millennium BC // *Oxford Journal of Archaeology*. 35 (4). – P. 345-358.
- Voigt M.M., Henrickson R.C., 2000. Formation of the Phrygian State: The Early Iron Age at Gordion // *Anatolian Studies*. Vol. 50. British Institute at Ankara. – P. 37-54.
- Yengibaryan N., 2019. Middle Iron Age tombs from Noratus (Sevan region, Armenia) // *ARAMAZD Armenian Journal of Near Eastern Studies*. Vol. 13 Issues 1. – Yerevan. P. 1-44.
- Սարգսյան Գ., Ենգիբարյան Ն., 2018. Արցախի Կարկառ քաղաքի երկաթեդարյան դամբարանները // *Армения и восточнохристианская цивилизация – III (доклады и тезисы докладов)*. – Ереван. Էջ. 250-255.

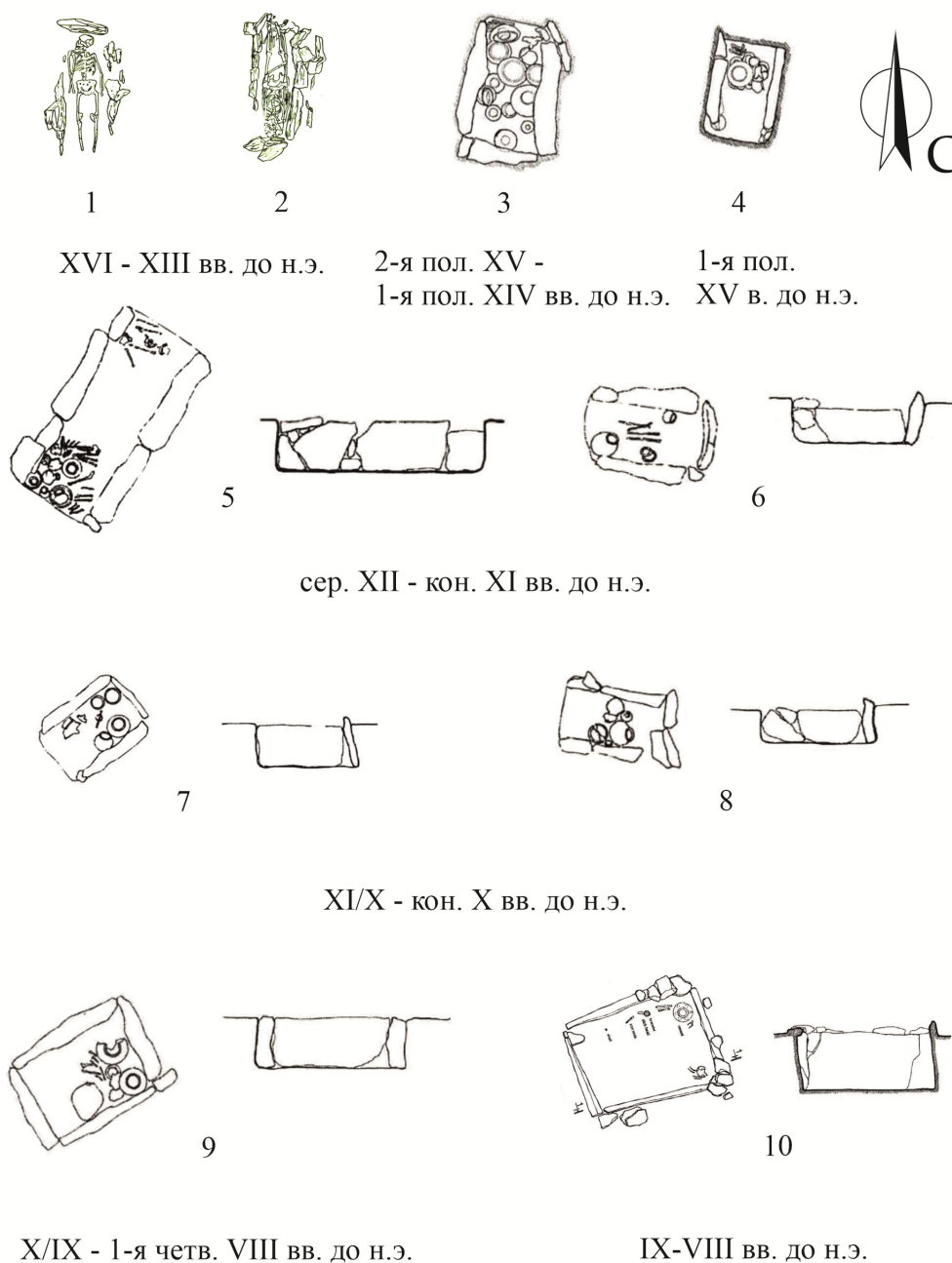

Рис. 1. Погребения Южного Кавказа в каменных ящиках периодов ЛВА и ЕІА. Тли: 1 - п. 178, 2 - п. 181 (по Техов, 1977); Апаран II: 3 - п. 4, 4 - п. 5; Талин: 5 - п. 65, 6 - п. 57, 7 - п. 63, 8 - п. 61, 9 - п. 51; 10 - Катнахбур п. 7 (по Badalyan, Avetisyan, 2007).

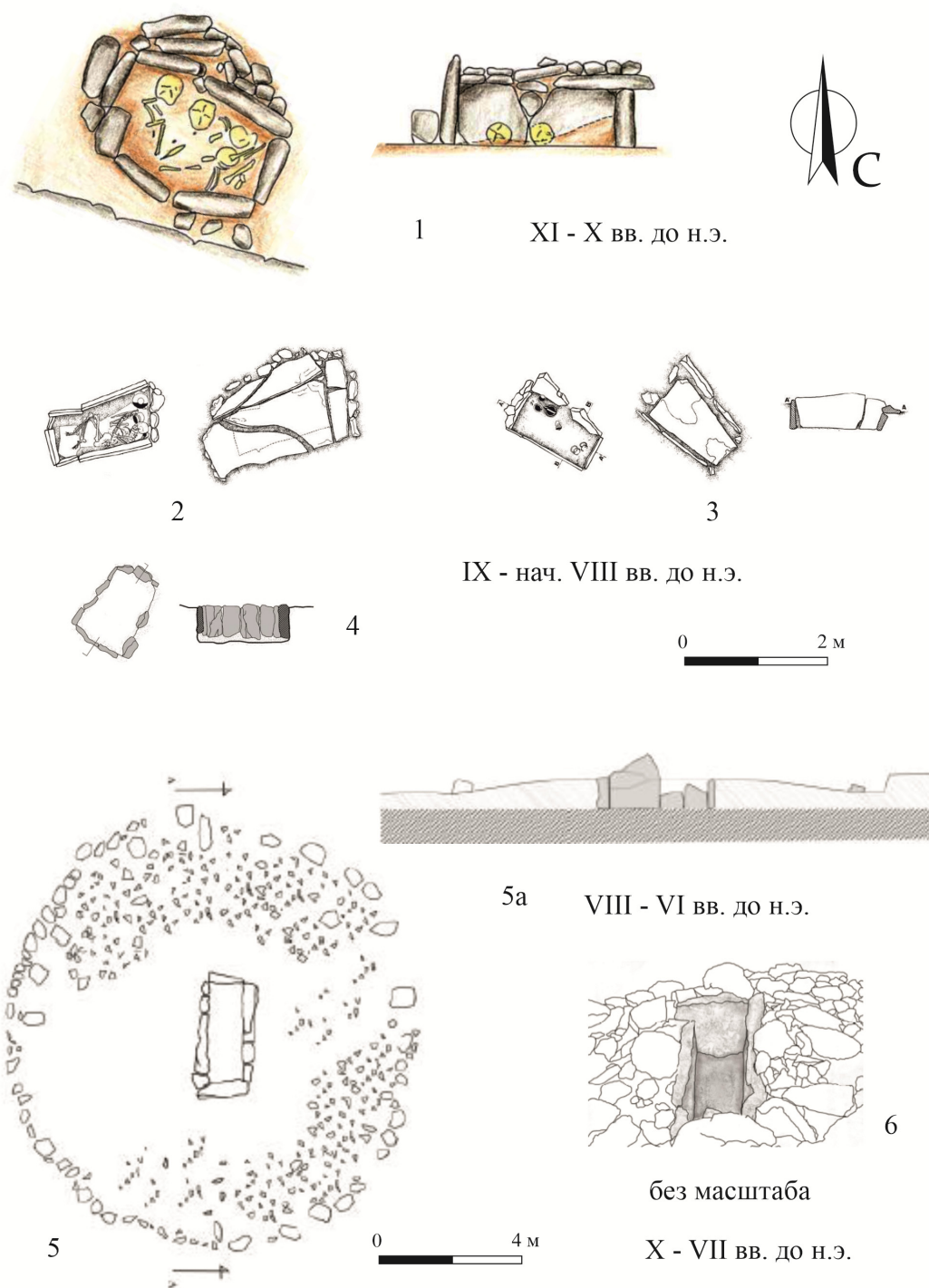

Рис. 2. Каменные ящики Ирана, Восточной Анатолии и Южного Кавказа. 1 - Дилкая п. 84 (по Копуар, 2011); 2 - Тепе Кальвали п. 9; 3 - Пушт-и Кабуд (по Overlaet, 2005); 4 - Баба Джан п. 3 (по Hasanpur et al., 2015); 5-5a - Карашен к. 2 (по Ушрқујшн, Ёнқһршрјшн, 2018); 6 - Сафар Шах (участок В) (по Nazari et al., 2016).

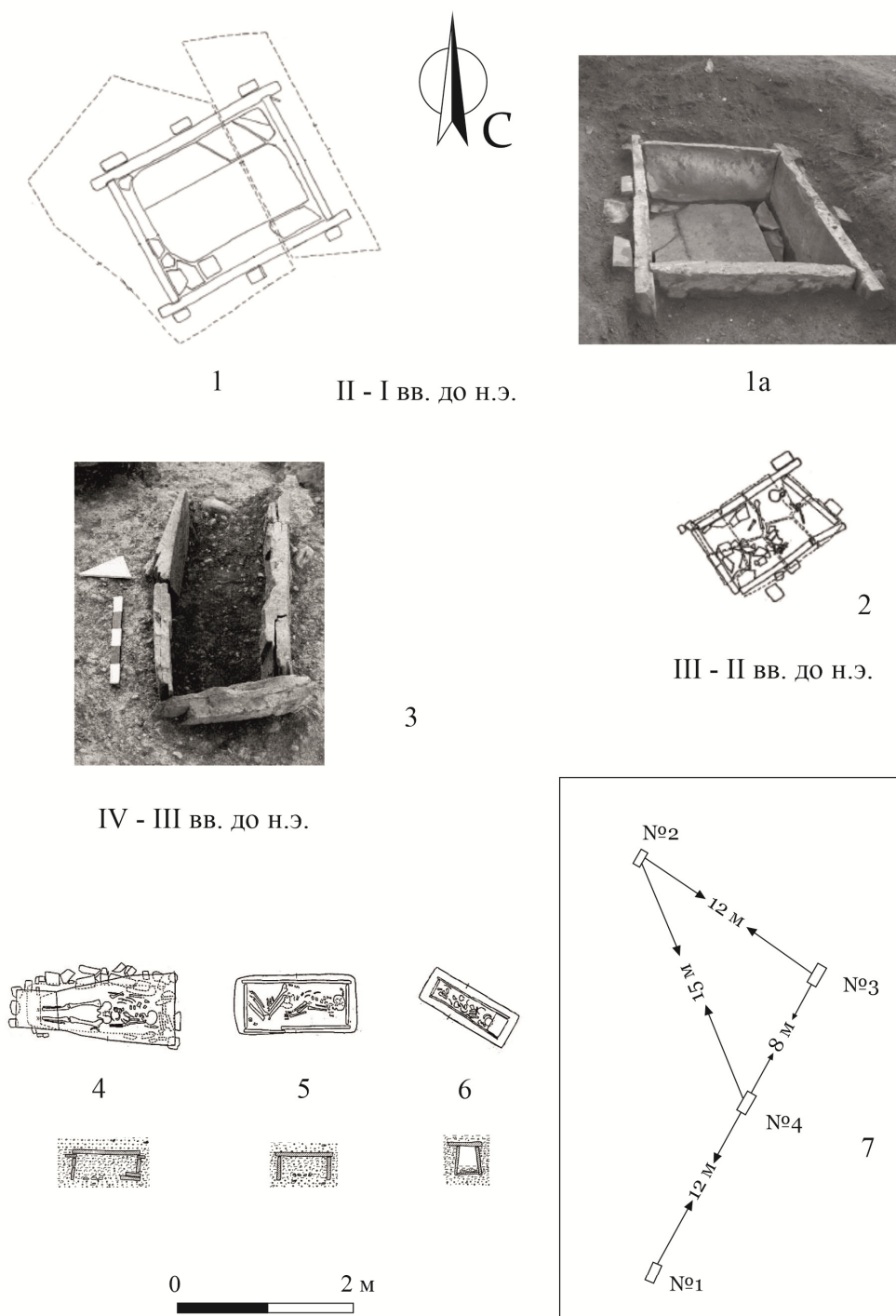

Рис. 3. Погребения на Южном Кавказе эллинистического и римского периодов и погребения VIII - VII вв. до н.э. в Северо-Восточном Причерноморье. 1-1a - Хавхмела п. 1, 2 - Хавхмела п. 4 (по Shatberashvili, 2012); 3 - Самтавро п. 7 (по Sagona et al., 2010); мог-к Псыбе: 4 - п. 13, 5 - п. 14, 6 - п. 11 (по Тешев, 1983); 7 - схема мог-ка Фальшивый Геленджик (по Щеглов, 1957).

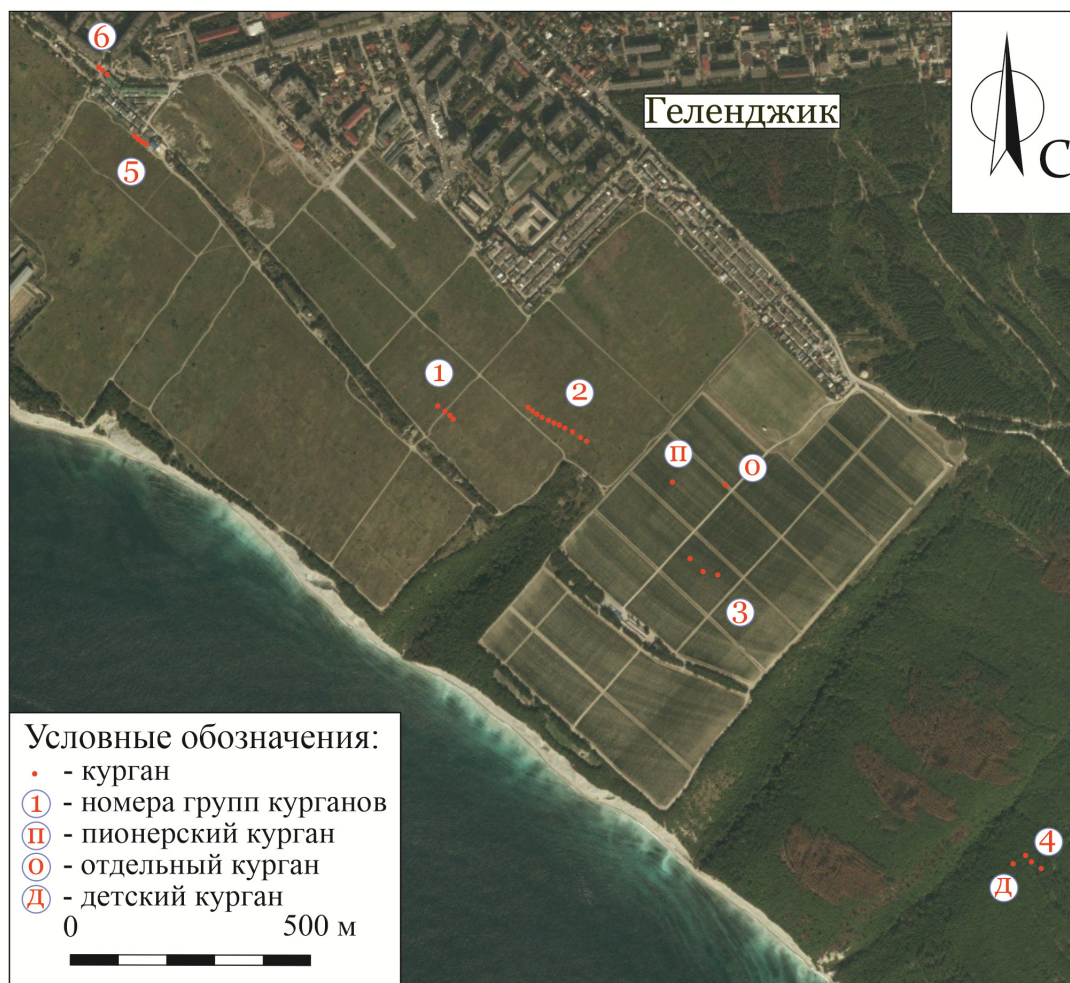

Рис. 4. Карта-схема погребений, исследованных в 1950-1952 гг. на Толстом мысу г. Геленджик. Составлена на основе карты И.И. Аханова (по Аханов, 1954).

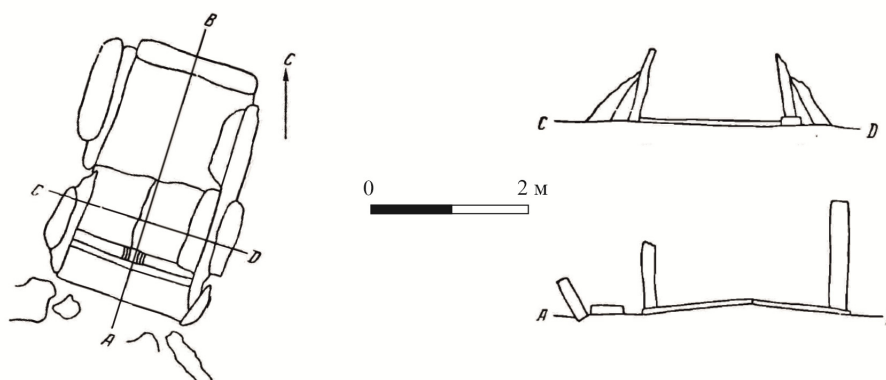

Рис. 5. Погребение 6 второй группы курганов (по Аханов, 1961).

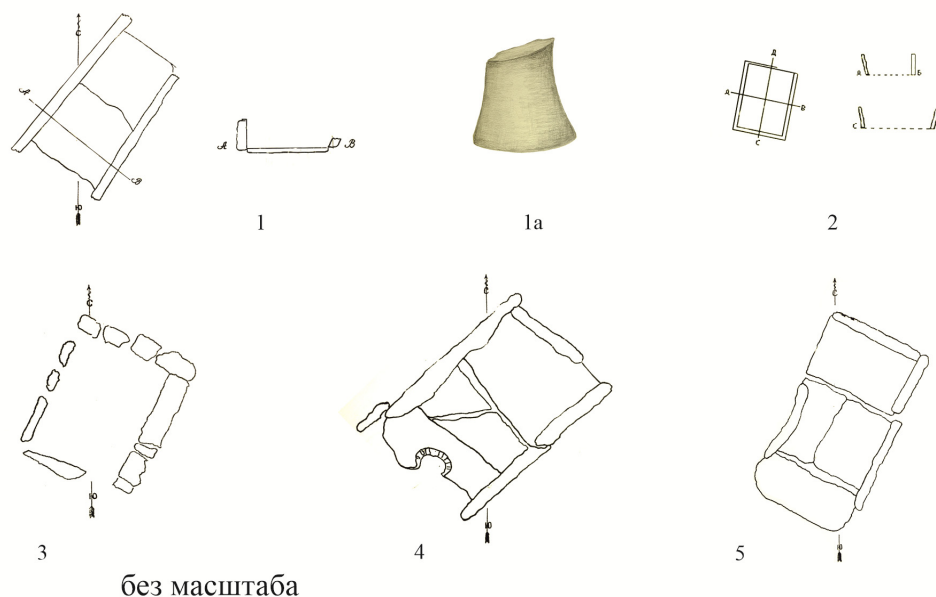

Рис. 6. Погребения на Толстом мысу г. Геленджик. 1 - п. 2 группы 5, 1a - ножка амфоры из п. 2 группы 5; 2 - погребение из Детского кургана; 3 - п. 4 группы 5; 4 - п. 2 группы 3; 5 - п. 1 группы 3 (по Аханов, 1954). 1a - глина.

Рис. 7. Материалы раннего железного века Северо-Восточного Причерноморья. 1- сосуд-кernos Большие Хутора п. 10 (по Малышев, Новичихин, 2022); 2 - Рассвет п. 157 (по Новичихин, 2010); 3 - Псыбе (по Тешев, 1983); 4-6 - Победа 5 (по Шишлов и др., 2011). 1-6 - глина.

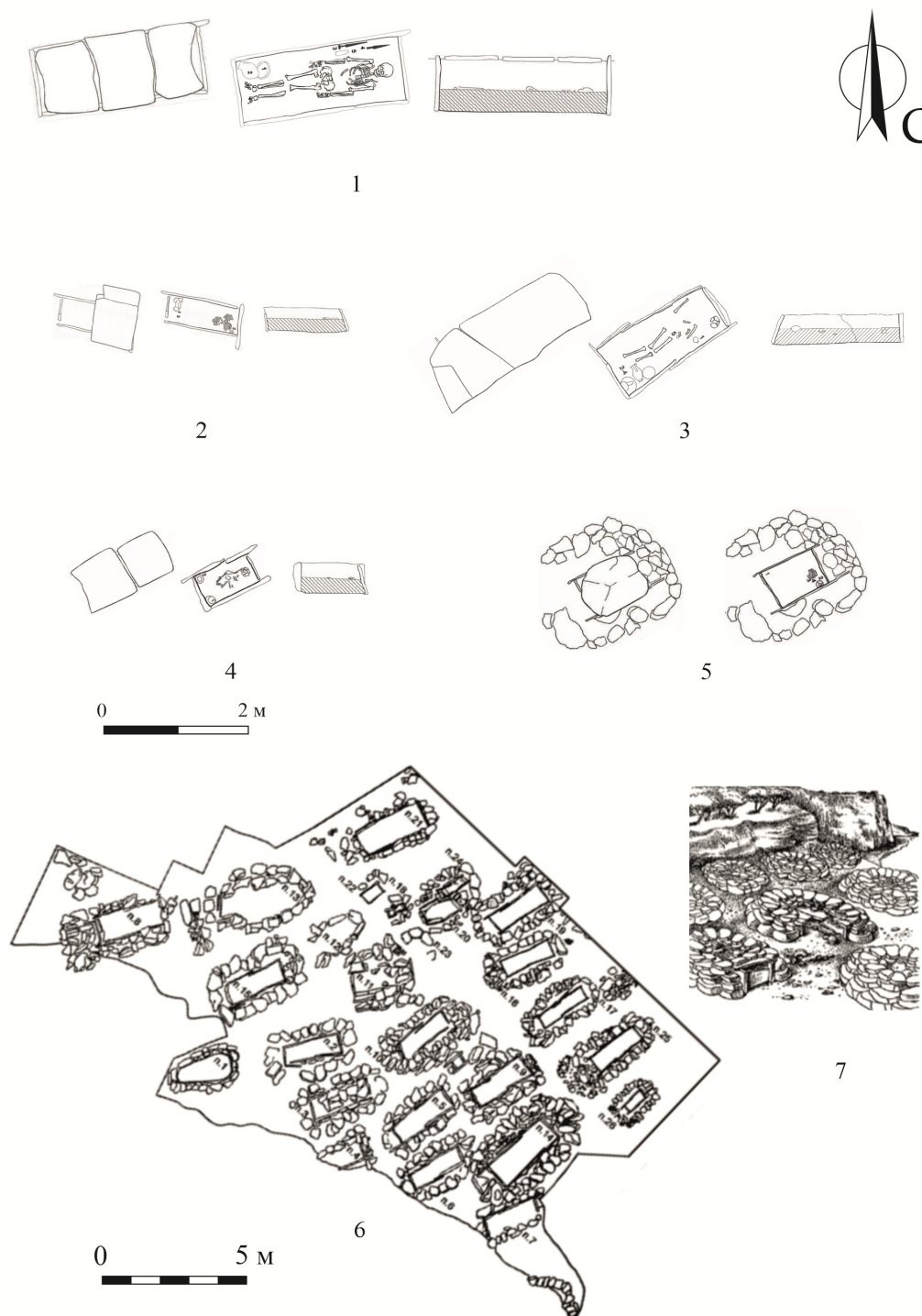

Рис. 8. Погребения могильника у хут. Рассвет и устье Лобановой Щели. Рассвет: 1 - п. 49, 2 - п. 56, 3 - п. 65, 4 - п. 66, 5 - п. 75 (по Крушкол, Новичихин, 2010); мог-к в устье Лобановой Щели: 6 - общий план, 7 - современная реконструкция погребений (по Малышев, Горланов, 2020).

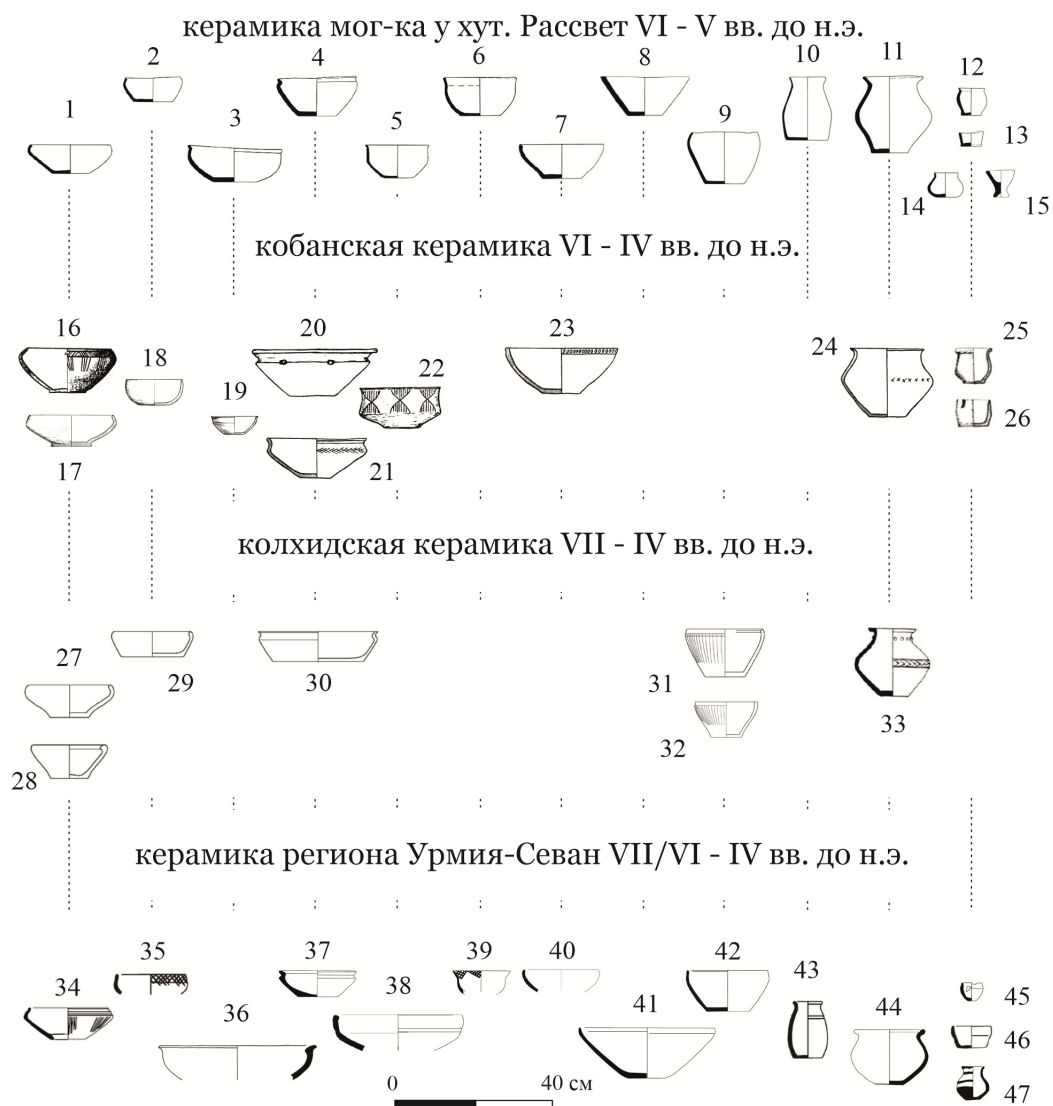

Рис. 9. Сравнительная таблица типологических форм керамики могильника у хут. Рассвет с материалами кобано-колхидской культурной общности и керамикой региона Урмия-Севан. Мог-к Рассвет: 1 - п. 82, 2 - п. 71, 3 - п. 100, 4 - п. 65, 5 - п. 117, 6 - п. 30, 7 - п. 101, 8 - п. 130, 9 - п. 86, 10 - п. 135, 11 - п. 157, 12 - п. 83, 13 - п. 107, 14 - п. 73, 15 - п. 74; кобанская керамика: 16 - Инжиччукунский п. 1, 17, 19, 26 - пос. Сержень-Юрт, 18 - мог-к Сержень-Юрт п. 25, 20 - Клинярский 2-й п. 1, 21 - Исправная п. 2, 22 - Пантелемоновский, 23 - Исправная п. 11, 24 - Исправная п. 1/2, 25 - Нестеровский п. 2; колхидская керамика: 27-32 - основные типы колхидской керамики, 33 - Вани; постурартская и ахеменидская керамика: 34, 41, 45 - Эребуни, 35, 43 - Азатан, 36, 44, 47 - Яник тепе, 37, 39 - Хасанлу IIIA, 38, 40, 42, 46 - Бениамин II.1-15 (по Новичихин, 2010); 16, 20-24 (по Козенкова, 1998); 17-19, 25-26 (по Козенкова, 1982); 27-32 (по Gamkrelidze, 2021); 33 (по Castelluccia, 2019); 34, 41, 45 (по Deschamps, Fichet de Clairfontaine, 2012); 35, 38, 40, 42-43, 46 (по Deschamps, Fichet de Clairfontaine, 2022); 36, 44, 47 (по Summers, Burney, 2012); 37, 39 (по Robert, Dyson, 1999). 28-32 - без масштаба. 1-46 - глина.